

ЛЮБОВЬ
ИНТРИГА
ТАЙНА

НАТАЛЬЯ
ОРБЕНЦИНА

ДАМА ЧУЖОГО СЕРДЦА

Наталия Орбенина
Дама чужого сердца
Серия «Любовь, интрига, тайна»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64865526

*Дама чужого сердца:
ISBN 978-5-04-120839-4*

Аннотация

Не ангельское ли крыло подарило знаменитой писательнице Крупениной-Иноземцевой перо столь бойкое, что с ним полет фантазии неудержим и головокружителен? Или же блистательная Юлия Соломоновна вручила душу свою дьяволу, отдала тихое семейное счастье за восторги творчества и коммерческий успех, оттого и умирают один за другим ее детки? Весь Петербург обсуждает трагедию жизни модной писательницы, пока сама она мечется, не в силах понять причину своих бед. Говорит, является ей зловещий Черный Человек, обещает геенну огненную... Трудно, конечно, поверить в такое, особенно опытному следователю, который мистических настроений решительно чужд, а потому будет искать злодея среди живых, в кругу самых близких...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	14
Глава третья	26
Глава четвертая	37
Глава пятая	50
Глава шестая	59
Глава седьмая	66
Глава восьмая	73
Глава девятая	82
Глава десятая	91
Глава одиннадцатая	101
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Наталья Орбенина

Дама чужого сердца

«Прежде чем писать, нужно жить».

Антуан де Сент-Экзюпери

© Орбенина Н., наследники, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава первая

Зима 1913 года

В небольшом прокуренном зале было тесно, душно и нервно. Публика выражала большое неудовольствие тем обстоятельством, что уже как две четверти часа прошли в томительном ожидании. Ожидали давно обещанное издательством «Словеса» выступление известной столичной писательницы, сочинительницы модных романов госпожи Крупениной-Иноземцевой. Билеты были раскуплены давно и разошлись тотчас же. Те же, кто не имел билетов, но страстно желал воочию поглазеть на своего кумира, томились в передней, подпирали стены коридоров, справедливо полагая, что им все же удастся хоть краем глаза взглянуть на обожаемое существо. Иные, имевшие критическое отношение к творчеству писательницы, были настроены боевито, желая лично высказать автору свое презрение и заклеить пошлость и мелодраматичность ее творений. Правда, поклонников было явно превосходящее большинство. С букетами, книгами, на которых они желали получить вожаделенный автограф, фотографиями госпожи писательницы, они заранее заняли свои места. И вот теперь и те, и другие выражали явное беспокойство и досаду от того, что ее все еще не было. Возбуждение публики нарастало еще и потому, что накануне стало

известно о некоторых трагических обстоятельствах в семье сочинительницы, о понесенных ею глубоких утратах. И посему желание присоединиться к ее страданию усугубляло нервность почитателей. Ведь всем известно, что наиболее интересен известный обществу человек именно тогда, когда он уязвим своим горем, страданием, отчаянием. А уж если речь идет о сочинительнице романов, над которыми рыдали в подушку и барыни, и их горничные по всей столице и окрестностям, то можно понять волнение публики!

Однако же, сколько можно томиться, господа устроители, пора и честь знать! Заждались мы!

И тут вдруг, когда раздалось даже некоторое подобие недовольного улюлюканья, вдоль первого ряда торопливо пробежал служитель с тяжелым канделябром в руке. Он установил его на краю небольшой сцены, зажег свечи, заботливо пододвинул кресло с высокой спинкой, стоявшее до этого сиротливо в самом углу. Кресло оказалось перед небольшим столиком, крытым скатертью до пола; маленький изысканный букет из орхидей украшал овальное пространство стола.

Публика замерла, в зале повисла томительная тишина, в которой отчетливо слышались торопливые легкие шаги. Из-за бархатных кулис появилась долгожданная писательница. Она сделала несколько шагов по сцене, остановилась, словно для того, чтобы ее лучше рассмотрели. А, скорее всего, просто для того, чтобы осмотреться самой, почувствовать

зал, публику, настроение с первых же мгновений. Раздались хлопки, немногочисленные, чуть раздраженные, скорее как дань уважения собственному терпению. Писательница кивнула и поспешно присела в кресло, словно у нее не было сил стоять, несколько раз провела по скатерти рукой, чуть прищурилась и улыбнулась, светло, просто, искренне. Как старым друзьям, извините, мол, меня, мои хорошие, терпеливые! Зал зааплодировал. Некоторые, особенно торопливые, не вынеся томительного ожидания, поспешили с букетами и подношениями, не дожидаясь конца выступления. Другие наставили лорнеты, желая в лице молодой женщины узреть следы пережитого страдания, дабы потом выискать это в новом романе.

– Нуте-с, господа, я пришла, и я готова к вашим вопросам! – Голос у Крупениной-Иноземцевой оказался приятный, теплый, мягкий, с располагающей интонацией, словом, именно таким голосом и должно рассказывать чудесные истории.

Сама же Юлия Соломоновна была небольшого роста, тонкая в талии, словно юная девушка, а не женщина, родившая троих детей. Темные волосы ниспадали до плеч, а голову украшала маленькая шляпка, столь крохотная, что непонятно, как она вообще там держалась. Платье писательницы, сжимавшее ее в талии как осу, с длинным шлейфом, на первый взгляд казалось черным, а в иной момент как будто глубоко синим. Из украшений только массивный серебряный

браслет охватывал тонкое изящное запястье. Дамы с жадностью отмечали для себя все детали туалета любимицы, пылливо вглядывались в ее лицо.

Все черты лица Юлии Соломоновны были маленькими, словно их рисовали тоненькой кисточкой, но художник проявил большое мастерство в сложной работе. Глаза на первый взгляд казались невыразительными, небольшими. Но только в первый миг, потому что в следующее мгновение хотелось смотреть в них вновь и вновь, насколько хороши и ярки оказывались эти сапфировые глаза.

Утолив первое любопытство, разглядев гостью с ног до головы, публика ринулась задавать вопросы, которые посыпались со всех сторон, да так ретиво, что устроители с трудом наводили порядок.

– Господа, да имейте же терпение!

– Соблаговолите соблюдать очередь и порядок!

– Не извольте размахивать руками и кричать, глухих нету!

– Не перебивайте, сударь!

Юлия Соломоновна отвечала с нежной улыбкой и смотрела на своих почитателей, как мать на шаловливых детей. Те же, которые непременно хотели ей досадить неприятными вопросами, оказывались сущими дураками в глазах соседей и в своих же собственных, потому как писательница непостижимым образом находила такие ответы на самые каверзные, а другой раз и грубые вопросы, что количество их довольно быстро иссякло. Ведь как по обыкновению бывает,

тот, кто хочет покрасоваться острым словом, стремится не истину узнать, а себя вперед выставить.

– Госпожа Иноземцева, ваши романы полны такой интриги, что диву даешься, и как это вы такое выдумываете?

– Интрига не самое главное. Это как приправа, нет, скорее соус к блюду. Она придает особый вкус, аромат основной идее, помогает обрисовать характер героев. Главное для меня понять психологическую историю, что связывает или разделяет героев, мучает их, возвышает, о чем они страдают, к чему стремятся.

– И как же сие происходит?

Сочинительница замялась. Этот вопрос ей задавали без конца. И всякий раз она говорила правду, в которую никто никогда не верил.

– Ей-богу, не знаю, как объяснить, но все, что я пишу, проходит перед моим мысленным взором, точно я вижу это в реальности. Мои герои для меня совершенно живые люди. Я слышу их голоса. Я вижу их, иногда мне кажется, что могу и осязать. Порой мне не надо ничего придумывать, я только беру перо в руки. А оно уже мчится по бумаге со скоростью поезда. Только успевай донести руку до чернильницы!

– Экая вы счастливица! Значит, вам не ведомы муки творческого кризиса, когда нету сюжетов и за день, за месяц не намучаешь и трех слов?

Юлия Соломоновна с некоторой тревогой взгляделась в лицо задающего вопрос. Не свой ли брат писатель с ревни-

вым интересом?

– Отчего же, и у меня бывают пустые для творчества дни, недели, а то и месяцы. Я сторонница господина Соловьева, нашего известного философа, который утверждает, что творчество – это божественное откровение, мистический экстаз. А разве такое бывает по расписанию?

– Значит, вы мните себя избранницей Божией, коли полагаете, что вашей рукой водит Божественное провидение? – продолжал саркастический собеседник.

– Полно, сударь, – сочинительница как будто даже испугалась, – я не столь самонадеянна для подобных заявлений. Каждый сам понимает свои отношения с Богом. И потом, у нас здесь не богословский диспут!

– А все же, как же сюжеты, откуда вы черпаете их, столь замысловатые? – раздались другие голоса менее искушенных почитателей.

– Вы не поверите, но все, о чем я пишу, это моя жизнь, это все про меня, но только иносказательно. Какие-то жизненные наблюдения, обстоятельства – вот и толчок. И пошло-поехало!

– Трудно поверить, вы ведь достаточно молоды, откуда у вас столько жизненного опыта, чтобы хватило на множество книг и сюжетов?

Писательница слегка рассмеялась.

– Иногда довольно малого. Необычное лицо прохожего, испуг от темного угла, зловещий шелест листвы, любовная

парочка в сквере. Да мало ли что! Жалкая собачонка под дождем, история, рассказанная в светской гостиной. Все это – мое сокровище, все мне пригодится!

Вопросы все продолжались, публика не унималась. Хотя было совершенно заметно, что молодая женщина с приветливой улыбкой на лице, с мягким голосом и скупыми жестами, все же внутренне напряжена, все разговоры даются ей с трудом. И только большой опыт подобных встреч дает ей возможность продолжать беседу с залом.

– Значит, все, о чем вы пишете, это про вас саму? Это про вашу любовь или нелюбовь. Про ваши тайные желания, благопристойные, как и подобает жене и матери семейства, или преступные, гадкие, неприличные, темные?

Писательница вздрогнула всем телом, словно ее ударили хлыстом. Она устремила свой взор в самый конец зала, откуда, как ей показалось, донеслись последние слова. Там, среди разгоряченной толпы, почти у самого входа она снова увидела Его! Худая прямая фигура, закутанная в черное. Да, конечно, это опять он, тот же хрипловатый отвратительный голос, похожий на карканье вороны. Только теперь громко, невыносимо громко, так что застучало в ушах. Нет, я не боюсь тебя! Тебя нет, ты морок, наваждение, призрак! Это кажется, опять только кажется!

– Вы утверждаете, что вашей рукой водит божественное провидение? Наивные верят! А нет ли тут лукавства? Нет ли тут иной руки? Дьявольских сил? Мы знаем из истории

человечества, что некоторые, в погоне за славой и чистоганом, готовы к любой жертве, заложить хоть свою душу, хоть ближнего! – продолжил зловещий незнакомец.

Она хотела ответить, но слов не было. Звук застрял в гортани, она не могла вздохнуть, только взмахнула тонкой рукой с тяжелым браслетом в сторону черного собеседника. Толпа загудела, хотела схватить наглеца и призвать его к ответу за уж слишком непристойный вопрос.

– Экий мерзавец, так обидеть порядочную даму!

– Начитался «Мефистофеля», умник!

– Взащей его, негодника!

– Нет, господа, а ведь это прелюбопытнейший вопросец!

Пусть-ка госпожа сочинительница ответит!

– Да полноте вам, вы что, в Священном Синоде?

Устроители ринулись к выходу. Началась сутолока. А незнакомец извернулся ужом и исчез, словно и не было его тут, рядом.

– Господи! Да изловите же его, избавьте меня от этого мучителя, от этого кошмара! – простонала Юлия Соломоновна и стала оседать на пол.

В первых рядах образовался большой переполох. Всякий желал лично помочь писательнице, привести ее в чувство, подать воды, вынести на руках к экипажу. Те, что были у дверей, устремились в поисках таинственного злодея, образовался затор, крики. Некоторым из присутствующих, наиболее впечатлительным, почудился запах серы! На улице раз-

давались свистки городского.

При том, что на уме у каждого был вопрос, что же имела в виду сочинительница? Что за такой злодей нашелся на ее голову? На что он намекал и тем самым поверг несчастную в глубокий обморок? Уж не обошлось ли тут и впрямь без дьявольского умысла?

Глава вторая

Зима 1913 года

Константин Митрофанович Сердюков, следователь петербургской полиции, по обыкновению просматривал столичные газеты. Он давно взял себе за правило почитывать и «Петербургский листок», и «Санкт-Петербургские ведомости», и прочее, что попадется под руку.

Газетчики, ясное дело, всякой ерунды напишут, воды нальют, чепухой сдобряют. Но иногда да и промелькнет что-нибудь вроде неприметненькое, незначительное на первый взгляд. А потом – раз, и выплывает в самый неожиданный момент что-нибудь эдакое, что поможет разгадку разрешить или точку в деле поставить. Сердюков обладал удивительной памятью. Он помнил всё и всех. Даже ничтожные личности и физиономии, детали, слова оставались в его памяти и всплывали в нужный момент. Коллеги устали дивиться его способности и совершенно привыкли. Кто-то что-то запомнил – ступай к Сердюкову, он точно вспомнит!

Правда, когда дело доходило до раздачи наград и орденов, тут у всех разом память отшибало окончательно. А он о себе как-то стеснялся особенно начальству досаждать. Стыдно говорить всем, что ты хорош, ты профессионал, без тебя они как без рук. То бишь без головы. Ах, да что там! Полно!

Опять жалость к самому себе в голову лезет? Ну-ну, стыдно, батенька! Еще посетуй, что женщины тебя обходят стороной. Нету ни жены, ни детей. Нет родной любимой души, к которой можно прислониться, понежиться...

Фу ты, распустил слюни! Давай-ка, что у нас там нынче пишут?

И следователь сердито зашуршал газетой. Но то, что он прочитал, повергло его еще в большее раздражение. Экая галиматья, Матерь Божия!

«Вчера в помещении Зала-Буфф состоялось примечательное событие, – бойко сообщал репортер. – Примечательно оно было по всем статьям. С одной стороны, на этом собрании перед почитателями выступила всем известная в городе писательница госпожа Крупенина-Иноземцева, дочь издателя Соломона Иноземцева, супруга почетного гражданина промышленника Саввы Крупенина. Нет нужды представлять читателям ее творчество. Достаточно посетить любую лавку и по сходной цене приобрести пяток романов. Все они будут о тяготах любви, поисках духовного сближения любящих или, наоборот, – их побеге в разные стороны. Терзания, страдания. Море слез. Страсти-мордасти. Убийства, колдовство, тайны-перетайны. И черт знает еще чего намешано. Голова кругом, когда читаешь, и, честно говоря, не оторваться от этого литературного зелья. Добежал как сумасшедший до последней строчки, отложил книжку и подумал, зачем читал? Неужто нету иных серьезных, глубоких, познаватель-

ных книг, врачующих душу, развивающих нравственность и ум? Так ведь нет, нам подавай такое, чтоб дух захватывало, как от скачки верхом. Чтоб глаз не сомкнуть и потом долго перебирать в памяти прочитанное. А что оно? Да все только фантазии небесталанной дамочки. И только-то! А где воспитание, спрашиваю я вас? Где слово, ведущее к истине? Нет теперь такого. А если и есть, то столь малое, что и не видеть без лупы. Да и читать скучно, скажет иной, полистав и отбросив в угол книгу умную, без всяких там затей и завлекательства. А героиня наша потому почивает на лаврах, что папенька ее видный издатель. Вот и печатает свою дочь огромными тиражами и потчует публику низкопробной чепухой. Впрочем, сие только личное мнение вашего корреспондента, при нем и остаюсь. Жаждающие могут составить себе собственное представление.

Итак, госпожа писательница осчастливила своих поклонников личной беседой, во время коей ей были заданы многочисленные вопросы, ответы на которые мы предлагаем нашим читателям».

Далее шел подробный пересказ вопросов и ответов, и снова комментарий репортера.

«Юлия Соломоновна, как мы знаем, не так давно лишилась одного из своих троих детей, и посему публика отметила на лице ее явные следы перенесенной утраты. Однако волшебница слова ничем не выдала своих страданий. Более того, многие подозревают, что горе только усугубит силу ее

таланта, почитатели надеются обнаружить в следующих произведениях море слез, бездну страданий, вихри и бури страстей, коих и так предостаточно в ее творениях. Смею заметить, что наличие в книжных лавках и библиотеках такой, с позволения сказать, «литературы» весьма сомнительно отражается на душевном здоровье читающих, особенно женского пола. Многие, начитавшись госпожи Иноземцевой, совершенно теряют рассудок и продолжают в реальной жизни жить вымышленными ею образами и навязанными мыслями и чувствами. Порой оторопь берет, насколько падки многие души до подобного чтива! Что ж, однако, не в укор им и сказано, ибо вероятно их собственная жизнь тускла и безрадостна. И посему только на страницах книг они, как им мнится, обретают истинную жизнь, подлинные чувства и страсти.

К чему, вы спросите, господа, это морализаторство? А к тому, что пишущие дамочки вроде Иноземцевой-Крупениной должны понимать, как отзывается их слово в неокрепших душах, что писания свои и жизнь свою они должны преподносить публике как самый положительный пример для подражания. А то что же происходит? Во время встречи с читателями госпожа писательница инсценировала целое представление! Будто бы явился некий Черный человек в толпе и якобы публично намекал Юлии Соломоновне в присутствии ее поклонников о том, что она продала душу дьяволу и он, якобы, является источником ее вдохновения и славы.

Понятное дело, что авторша упала в обморок. А как же иначе подобает вести себя с вестником сатаны? Публика в ажитации. Дело в шляпе, успех обеспечен, в Петербурге только об этом и говорят! Можно и не писать романов некоторое время. И как это такой почтенный господин Крупенин терпит подобное жалкое фиглярство своей супруги? Невольно вспомнишь времена «Домостроя»! Нет, эмансипация на русской почве дает крайне уродливые плоды в виде дамского творчества!»

Далее корреспондент с той же злой беспощадностью описал весь переполох в Зале-Буфф и таинственное исчезновение странного человека, повергшего и Иноземцеву, и ее поклонников в величайшее волнение.

Сердюкова заметка привела в раздражение. Он всегда злился, когда перед его взором начинал маячить призрак дела, дурно пахнувший неким подобием мистицизма, налетом колдовства, словом, потусторонней тайной. С некоторых пор именно ему начальство с завидным упорством сватало подобные дела, полагая, что его тонкий изворотливый ум найдет ответ на все вопросы, и даже на те, на которые ответов нет. Образовавшаяся тяжесть в желудке, явный признак предчувствия, верно угаданного, говорила о том, что, мол, жди, голубчик, эта дребедень тебя не минует. И, о Господи, Боже ты мой, как это быстро и свершилось! Не успел Сердюков с неудовольствием потереть ладонью живот, как в дверь просунулась голова дежурного.

– Ваше высокоблагородие, к вам барыня, то есть барышня, нет, барыня, тьфу, не разберешь!

– Зови, там разберемся! – приказал следователь.

Дверь в кабинет отворилась, дежурный посторонился, и на пороге появилась дама. Сердюков только бросил острый взгляд, и память уже услужливо преподнесла ему ответ на немой вопрос, кто бы это мог быть? Следователь знал эту женщину. Некоторое время назад он вел запутанное и громкое дело о смерти известного в Петербурге писателя Извекова. Мисс Томпсон, гувернантка-англичанка, жила в почтенном семействе и воспитывала детей писателя от первого брака с известнейшей актрисой красавицей Горской. Она и стала свидетелем ужасных и таинственных событий, которые стали происходить в доме писателя уже в ту пору, когда первая жена умерла, дети подросли и он женился второй раз.

Следователь слегка поклонился и жестом пригласил посетительницу присесть. Нет, она совершенно не изменилась. Англичанка относилась к тому странному типу людей, когда можно предположить, что перед тобой мадам пятидесяти годов или еще вполне молодая женщина лет тридцати. Оттого дежурный и не мог понять, как величать посетительницу.

– Сударь, по вашему выражению лица я поняла, что вы узнали меня, – вошедшая чуть улыбнулась. – Мисс Томпсон, смею напомнить, бывшая гувернантка господ Извековых.

– Да, да, разумеется, я помню вас, – заторопился следователь.

Про себя он отметил, что русская речь англичанки стала почти идеальной. Акцент чуть угадывался, придавая легкое неотразимое очарование. Он сел за свой стол, продолжая разглядывать гостью. Э, нет, матушка! Вот и морщиночки у глаз и рта, вот немножко седины. Да, несладко на чужбине-то, тоскливо без своего угла, в приживалках.

– Я полагаю, сударыня, вы пришли к следователю полиции не для того, чтобы попросту возобновить наше знакомство. Не так ли?

– Вы совершенно правы, господин следователь, с моей стороны подобный шаг был бы просто нье приличэн. Я пришла сюда только потому, что знаю и уважаю ваш опыт, здравый смысл и благородство джентльмена. – Она чуть поклонилась.

Дурное начало, посмотрим, что дальше будет.

– Вы теперь при месте? – деловито осведомился Сердюков.

– Да, я, слава богу, при месте. И не повьерите, снова в фемили, семье писателя, то есть писательницы! Мадам Крупенина-Иноземцева моя теперешняя хозяйка.

У следователя в желудке закопошился комок. Вот оно, дурное утреннее предчувствие.

– Что ж, полагаю, что для вас это большая удача. Опять попасть на место, где хозяева – известные в столице литераторы, это даже не везение, это просто чудо какое то!

– Да, мадам Юлия и ее муж, господин Крупенин, очень,

ошень достойны люди, благородная и порядочная фэмили. Они очень добры и... – она несколько смутилась, – щедры ко мне. Я служу у них, как говорят в России, верой и правдой. Смею надеяться, что мадам относится ко мне скорей дружески, нежели как... к прислуге в доме.

– Все это очень отратно, но ведь вы пришли рассказать мне немного о другом, верно?

– Разумеется, сударь. Я сказала вам об отношении хозяев для того, что вы поняли, почьему я здесь. Я привязалась всей душьей к этим людям, особенно к мадам, и сочла своим долгом помочь ей.

– Разве госпожа Иноземцева-Крупенина нуждается в помощи полиции?

– О, да! – пылко воскликнула собеседница. – Ошень нуждается! Видите ли, в последнее время в ее жизни появился ужас, совершенный ужас! Хоррор! Некий странный человек преследует ее и говорит немислимые весчи!

– Подозреваю, что я знаю, о чем идет речь. Я читал о вчерашнем выступлении Крупениной в Зале-Буфф и явлении там господина, напугавшего ее до обморока. Что ж, полиции не впервой искать шантажистов и мошенников. Изловим и этого! Но почему в полицию пришли вы, а не сама писательница, не ее супруг, на худой конец?

– Вовсэ ньет, я не одна пришла, мадам сама здесь, ждет в экипаже, просто она нье уверена была, что вы соблаговолите принять ее.

– Так просите ее!

Посетительница поспешно поднялась и уже у дверей обернулась к Сердюкову, шедшему следом.

– Прошу вас, умоляю, выслушайте ее, этот человек не просто шантажист, это нечто иное! Она потеряла сон и покой. Ей кажется, – мисс Томпсон собралась с духом, – ей кажется, что это и есть подлинный посланник сатаны!

– Тогда, милые дамы, вы не в ту канцелярию обратились. Тут тогда батюшка нужен! Я не умею изгонять дьявола!

– Вы нье правильно меня поняли, господин Сердюков, – посетительница мягко едва прикоснулась к рукаву его сюртука. – Дьявола, может, и ньет, в подлинном смысле этого слова, а вот дьявольского умысла предостаточно.

Неглупая женщина, удивился Сердюков и невольно провел ладонью по тому месту, к которому только что прикоснулись пальчики мисс Томпсон.

Послышались вновь шаги. Следователь одернул сюртук. Легкий шорох платья за дверью, и появилась Юлия Соломоновна Крупенина-Иноземцева.

Полицейский и вошедшая дама несколько мгновений смотрели друг на друга. Она с опаской – можно ли довериться этому человеку в наглухо застегнутом форменном сюртуке? И в то же время с потаенной надеждой, ведь не зря милая Томпсон так пылко говорила о порядочности Сердюкова. Разве нынче в полиции много таких сыщешь?

Он же напустил на себя строгий и отстраненный вид, что-

бы дамочка не вздумала и впрямь морочить ему голову чертовщиной. Спасибо, он ею сыт по горло. Да еще опять ваш брат-писатель! Увы, следовательно уже имел честь заниматься делами в писательских семействах. Презабавные люди! Пришлось поломать голову! Впрочем, на то она, голова, и дана следователю полиции.

– Сударыня, прошу вас, – заученным жестом Сердюков пригласил писательницу на стул. Она, вой-дя стремительно, замерла, словно размышляя, правильно ли сделала, что пришла сюда со своими, может быть, глупыми, надуманными страхами.

– Константин Митрофанович? Господин следователь? – В голосе прозвучал вопрос.

– К вашим услугам, – он чуть склонил голову и стал похож на большую долговязую птицу с огромным клювом-носом. Высокий, худой и крепкий, со светлыми волосами и бровями, в первый миг он производил невзрачное впечатление. Крупенина с тоской подумала, что, должно быть, гувернантка сильно ошибалась и приукрасила умственные возможности своего протеже.

– Вы позволите? – она грациозно присела на край стула, точно маленькая птичка, готовая вот-вот вспорхнуть, если ее напугают резким жестом или словом. – Мне много говорила о вас моя гувернантка, мисс Томпсон. Собственно, именно она и привела меня к вам, имея в виду, что, вероятно, никто, кроме вас, не в состоянии мне помочь.

– Что же у вас случилось, чем я вам могу помочь? – следовательно, по обыкновению, расположился для беседы за столом напротив собеседницы.

– Ах, ей-богу, я не хочу выглядеть глупой в ваших глазах. Глупой и истеричной барынькой, которая от скуки жизни придумывает себе страхи. Вы ведь знаете меня? – она слегка замялась. Нечасто известные писатели посещают полицейский участок. – Я пишу романы. Я дочь издателя Иноземцева, Юлия Соломоновна Иноземцева, и к тому же имею еще и мужнину фамилию Крупенина. Видите ли, когда ты известен публике, то неправильно менять что-либо, публика должна по-прежнему узнавать своего кумира, поэтому я и оставила девичью фамилию, присоединив к фамилии супруга. Впрочем, что-то я не о том. Я волнуюсь, у меня путаются мысли.

Голос посетительницы становился выше и звонче, появилась опасная дрожь. Не было бы слез, чего Сердюков боялся, терпеть не мог и совершенно терялся.

– Не так давно мы понесли ужасную потерю. У нас умер младший ребенок. – Она протяжно вздохнула, подавляя рыдания. Сердюков напрягся всем телом и затосковал. – Теперь опять беда. Еще один мой мальчик, средний, Митя. Он заболел, ему все хуже. Вчера еще не было признаков серьезной угрозы. И потому я позволила себе согласиться на настойчивые просьбы издательства выступить перед публикой. А нынче – плохо дело.

– Сударыня, – рассердился полицейский, – вероятно, вам надо к врачу, он поможет вам!

– Ох, не гневайтесь! Я путано говорю, хоть и писательница. Все дело в нем, в том человеке, который вчера был в Зале-Буфф. Он преследует меня, от него все зло!

– Вы хотите сказать, что этот человек повинен в смерти вашего ребенка и в болезни другого дитя? – изумился следователь.

– Это звучит дико, но это посланник зла, он стал олицетворением самых темных сил и мыслей, которые иногда посещают сознание даже самых добропорядочных людей.

– Простите, я вас не понимаю, – Сердюков раздраженно пожал плечами, – не соблаговолите ли вы изъясняться проще и доступнее?

– Чего же проще! – в отчаянии она закрыла лицо руками и молчала несколько мгновений. Потом положила руки на колени, перегнулась через стол, ее лицо стало совсем близко к лицу следователя. – Я отдала душу дьяволу. И за мой творческий успех он забирает тех, кто мне дорог!

Глава третья

Лето 1906 года

Солнце уже давно встало и стремилось заявить о своих правах, пробиваясь через плотные шторы. День был в самом разгаре, но в спальне еще гнездились остатки ночи и дремы. Фаина потянулась, прогнувшись на постели всем телом. Она всегда это делала с особым удовольствием, потому что ее тело, белое, холеное, являлось для нее источником постоянных усад и власти. Власти над тем, ради кого она жила последние семнадцать лет. Когда она впервые преступила порог мастерской Соломона Иноземцева, она поняла только по одному мгновенному взгляду, что завладела им полностью. Иноземцев в ту пору еще не только пробовал себя как литератор, но и не брезговал живописью. Фаина пришла как натурщица, образчик женских прелестей для кисти художника, а осталась на долгие годы как верная раба, истовая поклонница бесчисленных и ярких талантов Соломона, страстная возлюбленная, готовая на любые безумства и прихоти своего божества.

Правда, образовались некоторые неудобства для пылких любовников. Соломон был женат. Его супруга, Раиса Федоровна, восприняла появление очередной обожательницы мужа с холодным недоумением. Фаина не была первой, кто

вновь покушался на чувства ее супруга. Гнев, отчаяние, унижение, все уже прошло, как и та любовь, которая их соединила и произвела на свет единственное дитя, Юлию. Раиса Федоровна даже понимала восторг новой любовницы мужа, ибо в свое время так же попала под обаяние его яркой и страстной натуры. На сей раз она не пожелала примириться с соперницей, которая без всякого стыда поселилась в мастерской мужа. Иностранца оставила неверного, покинув Петербург. Но при этом Раиса Федоровна категорическим образом отказалась даже говорить о разводе. Она путешествовала по заграничным курортам в поисках утешения и иногда находила его в образе разных молодых и не очень воздыхателей. Девочку она взяла с собой, но вскорости поняла, что наблюдательный, смешливый и весьма самостоятельный в суждениях ребенок – тяжкая обуза для одинокой и привлекательной дамы. Пугало для поклонников. И тогда в голове раздосадованной Раисы Федоровны родился коварный план, как сделать жизнь мужа-изменщика сущим адом. Она вернулась в Петербург. Неожиданно нагрянула в квартиру и, естественно, обнаружила там беловолосую полуодетую наяду, которая расположилась в ее покоях, как в собственном доме. Последовала безобразная сцена в духе низкопробных водевилей, где опозоренная жена сыграла свою роль с упоением. Позже, когда страсти улеглись, она заявила мужу, что по-прежнему станет давать ему денег и, более того, вручает ему на воспитание дорогую любимую дочь, дабы ее присутствие образу-

мило нерадивого отца. После чего Раиса Федоровна вновь увееялась в далекие края, оставив Соломона в величайшей досаде. И было от чего! Теперь он, как жалкий пес на веревке, привязан к ее подачкам! Он, кумир молодых, властитель дум, яркий талант, и вынужден побираться у собственной жены! Но что же делать? Надо признать, что именно ее капиталы и стали главным обстоятельством, которые загнали бодрого и пылкою жеребца в семейное стойло. Да только он прогадал немножко. Приданое и богатое наследство жена получала в полное свое владение, и он не мог к нему дотянуться. Так хитрый стряпчий составил документы по настоянию опекунов богатой наследницы.

Пока между молодоженами царили любовь и понимание, Соломон купался в роскоши. Ему не было отказа ни в чем. Жена купила ему мастерскую, она оплачивала расходы по изданию его произведений, которые еще только-только находили своих читателей. Надо отдать должное молодому таланту. Он брался за все, и везде успело прозвучать его имя. Вот он пишет роман, и имеет успех, а за ним и сборник стихов. А после и музыку к ним. И, пожалуйста, романсы сии поют в каждой гостиной. А автор уже спешит с живописным полотном, и в полку почитателей прибывает. Экий талантище! У молодой жены голова шла кругом. Она готова была на коленях стоять перед своим неземным супругом. Ей не жалко было ни денег, ни собственной жизни.

Однако, что ярко и пышно цветет, то и быстро отцветает,

осыпается. Потускнел искрометный талант Соломона, растратил он все без удержу. Восторг почитателей и популярность совершенно свели его с ума, попойки и гулянки до бесчувствия стали частью бытия. Некогда стало трудиться, шлифовать божий дар. И вот уже в газетах появились язвительные статьи критиков, вот уже нет заказов и гонораров. Соломон потускнел, померк и опустил руки. Раиса как ангел-хранитель распростерла над ним свои крыла, подставила плечо и купила ему журнал, хиревший при прежнем владельце. И тут он снова воспрял и обнаружил в себе неплохой дар литературного критика, а также делового человека, имевшего нюх, хватку и способность извлекать деньги из талантов других людей. И все снова побежало, полетело, стремительно и весело. Издание заиграло новыми красками, потянулись и авторы, и подписчики. И снова заговорили о Соломоне Иноземцеве, но уже с большим уважением. Еще бы, взлететь, упасть, и снова высоко подняться. Не каждому дано! Правда, знающие люди, посмеиваясь, указывали на тень жены за спиной. Да, злые языки судачили о ее денежках, но это только увеличивало его вес в глазах знатоков.

Издательство «Словеса» процветало. Но жизнь на широкую ногу и известность требовали огромных расходов. К тому же иметь содержанку тоже дорогое удовольствие. Потому оторваться от жены и стать совершенно от нее независимым Соломону Евсеевичу не удалось. Он примирился с ее присутствием в своей жизни, получая от нее необходимое «до-

вольствие». Иногда он, смеясь сам над своей зависимостью, страстно мечтал о том, чтобы супруга его уподобилась прекрасной, но бессловесной картине, которыми он баловался в молодости. То есть она как бы есть, и в то же время ее совершенно нет, во всяком случае, ее мнение можно не принимать во внимание. Но, увы, скорей его мнение не всегда принималось во внимание женой. Она же оставила за собой право вмешиваться в его жизнь, когда ей будет угодно, путешествуя по миру как жена известного и талантливого человека. Свое нежелание отказаться от его фамилии она приняла окончательно после того, как на водах в Баден-Бадене одна супружеская пара, услышав о ней, пришла представиться и узнать, уж не жена ли она того самого Соломона Иноземцева, о котором говорит весь Петербург. Ей пришлось признать это пренеприятное обстоятельство, изобразив на лице гордость и довольство своим положением.

Итак, каждый выбрал свое в этом браке, он – деньги и зависимость, она – видимость брачного союза с известным и небесталанным человеком. Сначала оба казались оскорбленными предъявленными обстоятельствами, но потом выяснилось, что на самом деле каждого это устраивает, во всяком случае, на неопределенное время. Зачем разводиться, если супруг не очень мешает свободному существованию?

Но каждый из них совершенно забыл о том, что на свете еще есть Юлия, их дочь, их единственный ребенок. Вдруг выясняется, что маменьку барышня конфузит: как искать

новых поклонников, если рядом с тобой дочь-подросток? Смотрит насмешливо, отвечает нелюбезно, а то и дерзит. Иной раз таких колкостей наговорит очередному маменькину ухажеру, что на другой день, глядь, и след его простыл! Папеньке тоже недосуг заниматься воспитанием, ибо нет ни-сколечко ни времени, ни душевных сил. Все забирают творчество, дела издательства и любовные утехы. Вот и росла девушка, как сорная трава у забора палисадника, поначалу с мамашей, а позже с отцом, в его своеобразном окружении. И вот именно тогда, когда одиночество души раскрыло перед нею свои объятия, вдруг явился человек, который проявил к ней подлинный, живой интерес.

Новая любовница отца, Фаина Эмильевна, после того как гроза в виде разъяренной супруги отгремела и удалилась, отбросила всякие стеснения и переселилась в квартиру Иноземцева. Наутро, выйдя в полупрозрачном пеньюаре в гостиную из спальни, она спросонья не могла понять, кто перед нею, хотя она знала, что ненавистная Раиса оставила отцу ребенка. Юлия тоже оторопела, узрев полуголую девицу с бесстыдной пышной грудью, распущенными волосами и огромными воловьими глазами. Несколько мгновений они смотрели друг на друга как два совершенно разных существа. Еще миг – и могло бы родиться взаимное непонимание, ненависть, презрение, словом, то, что и должно было произойти. Но случилось чудо. Фаина улыбнулась, широко, дружески, протянула к девочке полные белые руки и проворковала:

– Здравствуйте, милое дитя!

Юлия стояла не шелохнувшись. На нее обрушился водопад смешанных чувств. Девушка догадывалась, что это негодная женщина, которой тут не должно быть, но она была так хороша! И от нее веяло такой неземной добротой и лаской, которых Юлия не знала никогда от своих родителей. Фаина сделала несколько шагов и приобняла девочку, та же от смущения хотела отстраниться. Но ее пленил запах тела красавицы, волшебный аромат духов, мягкость и нежность кожи. Длинные шелковистые волосы струились за ее спиной. Таких красивых женщин Юлия видела только на картинах. Она совершенно растерялась.

– У вас глаза отца! – Фаина приподняла пальчиком подбородок Юлии. – Обожаю эти глаза. Будемте друзьями, ангел мой?

Юлия слабо улыбнулась в ответ. Нет, ей и в голову не пришло, что дружба с этой женщиной означает предательство матери. Потому что на последующие годы именно Фаина превратилась для девушки и в мать, и в сестру, и в старшую подругу.

Соломон хохотал и гордился этим редкостным для порядочных людей обстоятельством. Так они и жили втроем, в огромной квартире, где Фаина царила как хозяйка дома, любила и Соломона, и его дочь. Истово и преданно. Иногда в эту идиллию врывалась Раиса Федоровна, наезжая без уведомления. Тогда Фаина изгонялась прочь. На некоторое вре-

мя наступало семейное единение, которое, впрочем, никому теперь и вовсе было не нужно. Затем Раиса начинала скучать в роли докучливой жены и заботливой матери, Соломон же – раздражаться и тайно навещать свою пассию в меблированных комнатах, потому как и дня не мог прожить без нее. Юлия томилась от лжи и лицемерия, которыми наполнялось все в доме. Все неприятности заканчивалось так же внезапно с отъездом Раисы Федоровны. И не успевали еще затихнуть звуки ее повелительного голоса и стук каблуков в прихожей, как Фаина уже тут как тут, и маленький содом снова начинал жить своей налаженной жизнью.

Постепенно эти события стали повторяться с заурядной периодичностью и потеряли свою остроту и новизну. Соломон снял для Фаины квартиру для временного пребывания, дабы не утруждать себя поиском убежища для возлюбленной в самый неподходящий на то момент. Юлия росла под присмотром Фаины, нехотя посещала гимназию и незаметно для всех повзрослела. То, что дочь выросла, первой заметила Раиса Федоровна в один из очередных своих набегов домой.

– И что это за уродливое платье на тебе нынче? Неужто тесно? В груди? И коротко, неприлично коротко!

Она распахнула девичий гардероб и ужаснулась.

– Святые угодники! Да в таком отрепье клошары в Париже постеснялись бы ходить!

Она перевела на потупившуюся дочь сердитый взгляд.

– И прическа у тебя нехороша, и волос тусклый, глаза мут-

ные, лицо бледное. Ты что, и вовсе из дому не выходишь? У тебя до сих пор нет поклонников?

Юлия покачала голова, отчаянно желая, чтобы этот несносный и унижительный допрос закончился как можно скорей. Невозможно было объяснить мамаше, что все чувственное, притягательное, женственное вызывало у Юлии скорей отторжение, страх, внутренний протест. Мать, с ее низкопробным кокетством увядающей соблазнительницы. Фаина, с ее вызывающей плотской красотой, разрушившая жалкую семейную гармонию их дома. Юлия никогда не чувствовала собственной женской сущности, своей плоти. Она сторонилась всего того, что дал ей Создатель. Плоть и грех стояли рядом в ее сознании, ибо рядом тут же в доме этот грех радостно и бесстыдно царил и правил бал. Нет, она никого не осуждала. Ей и в голову не приходило осуждать блудливого Соломона, которого она приучилась называть только по имени. Или эгоистичную мать, к которой она не чувствовала ничего, никакого подобия дочерней теплоты или любви. Нет, она просто жила рядом, но без них. Может, только чуть ближе к Фаине, этому воплощенному греху, обернувшемуся для одинокой детской души единственным теплом и утешением.

– Соломон, ты иногда смотришь на свою дочь? – грозно вопрошала Раиса Федоровна вечером за семейной трапезой.

– А что случилось? – последовал настороженный ответ.

– Ничего особенного, просто она выросла и стала взрос-

лой.

– Возможно, – пожал плечами отец. – Но я не заметил этого.

– Разумеется, – рассмеялась жена. – Ваше зрение видит только женщин особенного устройства и предназначения.

Юлия сжалась в комок, не стала дожидаться следующего акта дурно поставленной пьесы и юркнула к себе. Заперла дверь и бросилась к своей отдушине – заветной тетради. Несколько мгновений раздумий, и перо летит по бумаге. И вот уже ее нет в этом пакостном мире. Иные персонажи, иные лица, слова, чувства. Создается другой мир, и она царит в нем. Там все свершается по мановению ее пера! Она волшебница, она Богиня!

Через несколько дней случилось так, что неумная Раиса Федоровна устроила в комнате дочери инспекцию и обнаружила потайную тетрадь. Юлии, по счастью, не было дома.

– Соломон! – загремел грозный голос на всю квартиру. – Ты и впрямь слеп и глух. Посмотри, что я обнаружила у Юлии!

– Неужто непристойные картинки? – съязвил муж. – Коли она выросла, значит, пора и жизнь постигать.

– Ей не надобно неприличных картинок, она их видит каждый день в своем доме!

– Ах, ну конечно, я – злодей и развратник. Вы же сама добродетель. Отчего бы вам тогда не подать девице пример и не взять с собой? К примеру, на очередное богомолье. Вы

ведь, как я полагаю, поедете помолиться и очистить душу? – Супруг откровенно издевался над разъяренной женой. Вот еще! Вздумала воспитывать дочь, которой сама же и предоставила расти, как той вздумается.

– Хватит, полно. Прочтите, – она швырнула мужу тетрадь. – Вам, с вашими талантами, эта галиматья придется по нраву.

«Галиматья» поразила опытного издателя. С трудом дочитав рукопись до конца, не веря, что это написала его собственная дочь, Соломон с ревом быка бросился к Юлии, как только она переступила порог квартиры.

– И ты молчала? – он потрясал рукописью. – Сколько ты это писала? Почему я ничего не знал?

Юлия от неожиданности и смущения прислонилась к стене и чуть не упала.

Через два месяца в журнале Иноземцева «Словеса» вышел первый роман Юлии, и она тотчас же сделалась новой столичной модой у читающей публики.

Глава четвертая

Лето 1906 года

Фаина все же встала с постели, хоть ей и не хотелось. Нега сковывала ее полные члены, она лениво, точно большая кошка, прошлась по спальне, позевывая и вздыхая. Из столовой доносились утренние звуки. Бряцанье приборов, торопливая поступь горничной, видимо, несущей горячий кофе. Тяжелые шаги хозяина дома. В душе разливалось привычное тепло устоявшейся и спокойной жизни. И вдруг что-то укололо внутри, в глубине, как будто щелкнуло. Что, что? Тревожно забила мысль. Что же такое промелькнуло давеча, что-то нехорошее, тревожное, неочевидное, но опасное? Фаина остановилась и схватилась руками за виски. Да, разумеется. И вчера, и до этого, она заприметила нечто новое в глазах Соломона Евсеевича, едва уловимое, почти незаметное. Исчезло горение, накал, истовый трепет. Она больше не сводит его с ума? Не волнует до потери сознания?

О нет, господи, нет, нет! То есть Фаина, разумеется, понимала, что по прошествии лет страсть утихает, любое тело стареет и перестает быть предметом вожделения, но почему-то полагала, что ее минует чаша сия и она в глазах своего божества навеки останется прекрасной, а их любовь из чувственной и страстной, присущей скорей молодым и пылким, пе-

рейдет в спокойное и полноводное существование двух единых душ и тел. И он женится, наконец, на ней, и прогонит прочь эту невысказанно гадкую женщину!

Фаина тяжело опустилась на кровать. Надо успокоиться и понять, что произошло. Страшные подозрения змеей заползли в сердце и не давали мысли родиться. Новые натурщицы, молодые и чувственные, точно такие же, как и она семнадцать лет назад. Да-да, наверное, именно это стало ее тревожить. Соломон вдруг снова обратился к мольберту и кисти, которые давно были заброшены в чулане. Она сама, как в давние времена, позировала ему, но он остался недоволен, и через несколько дней три милые незнакомые барышни в нарядах прошлого века чинно восседали кругом, образуя живописную картину. Фаина сама рассаживала их, поправляла кудри и кружевные воротники, складки платьев. Прошло несколько сеансов, и работа снова оказалась закрытой холстом и задвинутой в дальний угол мастерской. Фаина не придавала значения этим событиям, но только теперь вдруг у нее поселилось тревожное предощущение надвигающейся катастрофы. Как смотрел Соломон-художник на молоденькие лица, руки, плечи! Она больше не вдохновляла его, он искал новые объекты для своего творчества. Или для своей новой страсти?

Фаина так испугалась своих мыслей, что без сил откинулась назад, на подушки. До последнего дня у нее не было иной заботы, как, убаюкая любовника, нежно двигать его к

мысли о разводе. Развод Иноземцева с женой и брак с любимым, полное обладание им – вот мечта ее жизни. Но Раиса Федоровна не сдавалась, и борьба затянулась на долгие годы. Фаина получила в верные союзники Юлию, к которой привязалась всей душой. И Юлия отвечала ей, любовнице отца, нежной привязанностью, доверчивой лаской. Искренностью, которой и близко не было в отношениях с матерью. Фаине порой даже мнилось, что Юлия ее собственная дочь. Она совершенно не понимала, почему Соломон не настаивает на разводе. Как может он терпеть это унижение, столь постыдную зависимость от тщеславной и злой женщины, которая любит не его, а только его славу? Но милый друг всегда уходил от разговоров подобного рода, ссылаясь на непримиримость и жесткость жены.

– Любимая, что тебя тревожит? Разве я не люблю тебя? Разве не ты царишь в моем сердце и днем, и ночью? Поверь, я мечтаю о свободе, как каторжник на рудниках! Дня не проходит, чтобы я не думал о разводе с Раисой. Но ведь ты ее знаешь, она не желает и слушать! Ей радостна мысль о том, что такой человек, как Соломон Иноземцев, принужден склонить перед ней голову. Ее тщеславие никогда не позволит нам разойтись. Поверь мне, милая! Ведь каждый раз, когда она является, дня не проходит без ссор и разговоров об этом. Нет, она не отпускает меня. Но я не отступлюсь! Я добьюсь своего! Я не позволю вить из себя веревки! Мы будем вместе, и нам пропоет свадебный хор!

От этих пылких речей голова Фаины шла кругом. И она с терпением, достойным лучшего применения, несла свой крест греховности, будучи всего лишь жалкой содержанкой, а не законной супругой великого человека. Годы шли, но все оставалось неизменным. Гремели громы, говорились слова, текли реки слез разочарования и унижения. А потом робкое солнце надежды высушивало их, и все возвращалось на круги своя.

Раиса Федоровна, всякий раз обнаруживая в доме следы пребывания Фаины, даже как-то привыкла к тому, что в жизни мужа их двое и у каждой своя роль. Однажды, заявившись, как всегда, как снег на голову, она, стоя в передней, узрела шубку Фаины, ботиночки, шляпу. Горничная смутилась и спешно помогла барыне раздеться. Соломон Евсеевич выскочил из кабинета. Взлохмаченный и встревоженный, приветствовал супругу излишне громко и фальшиво радостно.

– Вот что, голубушка, – хозяйка подала горничной шаль, которой укутывала плечи, – пока я передохну у себя с дороги да приготовят обед, скажи-ка от меня этой... этой гостье, что ей пора и честь знать. Не желаю ее видеть, пусть исчезнет немедленно. А ты, мой друг, – она обратилась к мужу, – распорядись об обеде, да прикажи принести мне чаю. Устала.

Она было двинулась в свои комнаты, но поняла, что ни муж, ни горничная не помчались выполнять ее указания. Горничная, правда, сделала два неуверенных шага да и за-

мерла в нерешительности.

– В чем дело? – Брови Раисы Федоровны, и без того выгнутые без меры, извернулись, как две дуги. – Соломон?

Тон сказанного предвещал не то что обычную грозу, а, наоборот, конец света.

Супруг вздохнул. Но как-то без прежней робости заявил:

– Фаина Эмильевна больна. Инфлюэнца, высокая температура. Прикажешь выбросить ее прочь, одну, без помощи, в гостиничный номер?

– Забавно, – изумилась жена. – Стало быть, мне предложено мириться с пребыванием вашей любовницы в моем доме окончательно. До этого правдами и неправдами мне удавалось ее изгонять, а теперь она тут и вовсе поселилась. Чудесно! Ей-богу, жизнь презабавна. Напишите водевиль, мой друг, из нашей жизни. Ручаюсь, он будет иметь бешеный успех!

И она гордо удалилась.

Фаина слышала из своего убежища все жестокие слова. Она попыталась встать, чтобы бежать прочь, но силы оставили ее. Голова шла кругом. Пот лил ручьем, и она в изнеможении опустилась на влажные простыни. Поспешно вошла горничная. Поправила простыни, положила холодный компресс на голову, но даже в полусознании Фаина узрела едва скрываемую усмешку. Да, она была посмешищем даже для прислуги! Ну, погодите, вот только бы мне встать, уж я тогда, наконец, выведу вас на чистую воду. Заставлю говорить

о разводе, вцеплюсь в горло ненавистной твари зубами и буду терзать ее, пока она не отступится от обожаемого Соломона!

Через несколько дней Фаина совершенно оправилась, но из комнаты своей не выходила. Соломон заглянул несколько раз неприлично поспешно, едва переступив порог комнаты, осведомиться о здоровье. Фаина с тоской почувствовала в нем неуверенность и страх. А ведь каким гордым и мужественным казался он ей прежде, какие воинственные речи произносил!

Забегала и Юлия, матери вовсе не боясь, но, не желая громкого и безобразного скандала, оставалась ненадолго. Словом, все в доме указывало на то, что ей, Фаине, тут не место, что ее пожалели, Христа ради, но пора и честь знать.

Поэтому молодая женщина несказанно удивилась и на смерть перепугалась, когда горничная от имени барыни позвала ее отобедать со всеми. Некоторое время она ожидала, что, может, Соломон зайдет и все ей пояснит, подскажет, что делать, что бы это значило. Да только для самого издателя выходка жены оказалась сюрпризом.

Когда уже обед был подан, Раиса Федоровна, обведя столовую взором, заявила лакею:

– Изволь поставить еще один прибор. Полагаю, наша гостья уже поправилась и может отобедать с нами. Не так ли, милый? – последние слова относились к супругу, который, оторопев, теперь не знал, что из данной затеи выйдет. Явно ничего хорошего.

Пребывание в доме злополучной Фаины вместе с законной женой только на первый взгляд могло показаться забавным конфузом, коим он себя и утешал. Мол, все бывает в жизни настоящего героя-любownika. Однако как выйти из данного неловкого положения, сохранив расположение обеих, он не мог придумать, и оставалось только положиться на волю случая. О том, чтобы просто потихоньку вывести любовницу из дома и сделать вид, будто ее и не было, не могло быть и речи. Фаина слишком глубоко проросла в его жизнь, в этот дом, и не могла быть выдворена просто так, как бордельная девица. А и случись подобное, то как же потом привести ее обратно?

Словом, черт знает что такое!

Между тем семья собралась за столом, и в напряженном молчании начался обед. Дверь отворилась, и в столовую вошла Фаина. К удивлению и Соломона, и Раисы, она вошла вовсе не робко, смущенно. А спокойно, как будто и впрямь жила тут на законных правах. Поздоровалась, пожелала всем приятного аппетита и села на свободное место. Напротив хозяйки дома.

Глаза Раисы Федоровны сошлись в узкую щелку. Лакей заскользил за спинами обедающих, раздался стук вилок и ножей, звук разливаемого в бокалы вина. Ни слова. И так почти до конца обеда.

Тарелки опустели, зато желудки наполнились едою, а сердца – напряжением и злостью. За время трапезы в каждой

голове пролетели тысячи слов, яростных выражений, ядовитых замечаний. Но каждый боялся начать первым, выжидая действия врага.

– Ну те-с, по-моему, довольно! – Раиса Федоровна пошла в атаку и решительным жестом бросила перед собой салфетку. – Довольно нам изображать из себя порядочных людей, попавших в неловкую ситуацию. Полагаю, что моей доброты и терпения присутствует с избытком. Но это не может длиться бесконечно. Соломон Евсеевич, друг мой, я понимаю, что в жизни такого яркого человека, как вы, любовницы – будем называть вещи своими именами – вещь обыденная. Скажем так, необходимая для полноты чувств, остроты восприятия жизни, стимула творчества.

– Вы всегда, дорогая, необычайно отчетливо понимали многие сложные вещи. За что я вам бесконечно признателен, – последовал сдержанный ответ.

Фаина, и без того бледная после болезни, побелела еще больше. Юлия переводила взор с одного на другого, пытаясь понять, куда дует ветер очередной ссоры.

– Так вот, я продолжу, – Раиса Федоровна наклонила голову, точно у нее и впрямь выросли рога и она готова была ими ударить. – Это ваше увлечение затянулось, перешло все мыслимые временные и человеческие границы. Оно стало столь устойчивым и постоянным, что иным людям, глядящим со стороны, трудно понять, какую истинную роль играет Фаина Эмильевна в нашем, – она еще раз подчеркнула

с нажимом, – нашем доме. Может, она уже сделалась законной супругой? Может, вы, мой друг, перешли тайно в магометанство, позволяющее иметь четырех жен?

Ну, наконец-то! Фаина глубоко вздохнула и распрямила спину. Слава богу, карты открыты. Разговор начистоту! Она с надеждой посмотрела на Соломона, ожидая от него тех смелых и громоподобных речей, коими питались ее душа и слух в последние годы.

– Вот что, Раиса Федоровна! К чему этот неуместный и непростой разговор? Наша гостья нездорова. Зачем изводить ее нервы?

– Нет, пусть! – Фаина даже испугалась собственного голоса.

А Раиса Федоровна как будто только и ждала, когда ненавистная соперница издаст хоть один звук.

– Она будет еще больше нездорова, когда поймет, что вы никогда на ней не женитесь! – произнесла Иноземцева с холодным торжеством убийцы. – Что вся ее молодость и красота лягут вот тут, у ваших ног, подобно собачонке на коврике. Но не более того. Разве это благородно, порядочно по отношению к несчастной и неразумной девушке, которой вы совершенно заморочили голову!

– Раиса! – вскричал Соломон. – Ваши слова грубы и... и безосновательны. К тому же не стоит обсуждать все это в присутствии нашей дочери!

– Ничего, ей полезно будет, авось убережет от глупостей и

безрассудства в жизни, – засмеялась жена. Но смех ее выглядел натянутым. – И почему же мои слова показались вам безосновательными? Разве вы намерены взять развод со мной и сделать предложение госпоже Перфильевой?

Фаина смотрела прямо в лицо Соломона, не сводя с него огромных, горящих глаз, ожидая заветных слов, которые все разрешат и покончат с ее мучительным состоянием.

– Неуместный разговор, я не намерен теперь это обсуждать сейчас! Как все грубо, неделикатно! Ты же знаешь, – он обратился к жене, – как сложно сейчас с журналом, как у меня всю неделю болит голова! Ах, впрочем, что с вами говорить... – он с деланой досадой вырвал салфетку, которая висела у него под подбородком. Швырнул ее на стол, но промахнулся. Салфетка беззвучно заскользила на пол, по щекам Фаины произвольно поползли беззвучные слезы. Она крепилась, чтобы не дать волю чувствам.

Соломон, с видом оскорбленного в лучших чувствах человека, двинулся вон из столовой, решительно и твердо, как и подобает главе семьи, всем видом показывая, что неудачный обед завершен, закончен и разговор. Всем также надлежало встать и разойтись по углам квартиры, лелеять свои обиды. Но почему-то три женщины не шелохнулись и остались сидеть вокруг стола.

– Он не любит вас, – уже тихо и почти дружески произнесла Раиса Федоровна. – Верней, вы ему привлекательны в физическом плане, но он не любит вас. Вы обречены про-

ждать и не получить взамен ничего, кроме ранней одинокой старости и унижения.

– Что вы смыслите в любви! – выдохнула Фаина. – Вы холодная, жестокая, тщеславная. Разве вам рассуждать о любви, вы заморозите любого, даже самого пылкого!

– Да, в некоторых вопросах любви вы, вероятно, мастерица, я не смею с вами спорить. Но ведь любовь бывает разная. Разная, понимаете ли вы?

– Какая такая разная? Любовь и есть любовь! Дышать и думать как любимый человек. Поклоняться ему, как божеству, помогать ему, вдохновлять, поддерживать, утешать, ласкать... Жить им... – Фаина выкрикнула эти слова и осеклась. Соломон вышел и закрыл за собой дверь столовой.

Раиса проводила мужа взглядом и продолжила терзать несчастную.

– Послушайте, а вам не приходит в голову, что я тоже его люблю? Но по-иному. То, что я терплю вас в своем доме, вас и тех, что были до вас. Содержу его издание, а в придачу и вас тоже. Да, да, милая, что вам краснеть! Разве это не приходило вам в голову?

– Откровенно говоря, нет, – пролепетала Фаина. – Я не вмешиваюсь в дела Соломона Евсеевича, я полагала, что издание популярно и от того вполне прибыльно. Нет, я не думала, совершенно не думала никогда ни о его, ни о ваших деньгах. Я думала только о нем самом, о его таланте и моей любви к нему.

– Да, я тоже была им упоена и хотела служить ему, как божеству, ровно как вы. Но потом я поняла, что из меня не получится жрицы, весталки, я не гожусь для главной жены гарема, и выбрала себе иную роль. Вам, верно, неведомо, – Раиса Федоровна сделала выразительную паузу, – но кроме любви-эроса, который обурекает вас, есть еще и иные виды любви. Позвольте дать вам крохотный урок древней истории. – Она снова посмотрела на несчастную соперницу с уничижением, предполагая, что та, по причине своей необразованности, слышит сии рассуждения впервые. – У греков было широкое понимание любви. Любовь-эрос, так мастерски изученная вами. Любовь-дружба, называемая филия. Семейная любовь, порождающая покой и уверенность, именуемая сторге. А еще есть любовь-агапэ, то – разумная любовь, любовь – жертва! Я предпочту второе, третье, а может, и четвертое. Первое оставляю вам, тут вы безраздельная царица. Жаль, что муж НАШ, – она с усмешкой подчеркнула последнее слово, – муж НАШ – не мусульманин. Ведь пророк Магомет разрешал четырех жен!

Сказав что хотела, Раиса Федоровна умолкла. Ее лицо казалось совершенно спокойным. По всему видно было, что она давно решила на подобный разговор и готовилась к нему. Фаина выглядела ошеломленной и подавленной. Со всем не такой виделась ей ненавистная соперница, ее чувства к Соломону. И совершенно непонятно было, что думать о самом виновнике безумных страстей.

– Сударыня, я благодарю вас за преподанный урок и прекрасно его усвою, хотя уж больно мудрено у вас выглядит все, что является простым и искренним, – Фаина с трудом собралась с чувствами и даже попыталась придать своим словам чуть язвительности. – Также, разумеется, благодарю вас за оказанное мне гостеприимство и обед. Юлия Соломоновна, – Фаина обратилась к девушке, – не затруднит ли вас послать за Эмилем Эмильевичем? Он поможет мне съехать.

Юлия поднялась и двинулась из столовой, потрясенная произошедшим. Но, помимо тягостного чувства, которое глодало ее, в голове неотступно крутилось новое, неизведанное: эрос, филиа, сторге и агапэ. Да, теперь она пожалела, что дурно относилась к урокам в гимназии, в отличие от маменьки. Кто же может предположить, что штудии древних помогут в борьбе с соперницей?

Фаина была так сильно потрясена нерешительностью Соломона, что в тот момент не смогла осмыслить всех нюансов вышеописанной сцены. В дальнейшем, она снова и снова прокручивала в своей памяти подробности этого разговора, особенно в те дни, когда на душе становилось сумеречно от полной неясности своего будущего. Так и сейчас, продолжая сидеть на мягких и теплых от ее тела подушках, она вспомнила в том числе и этот эпизод своей жизни.

Глава пятая

Мой милый читатель, тебе еще не скучно? О, не грусти, нам надобно познакомиться с еще одним героем, без которого наше дальнейшее повествование невозможно.

Итак, Эмиль Эмильевич Перфильев – братец Фаины. Глядя на молодого человека, невозможно было назвать его ни братом, ни братиком, ни братушкой, а именно «братцем». Эмиль Эмильевич, хоть и приходился родным братом, не имел совершенно никакого внешнего сходства с сестрой. Чего только не сотворит Создатель! Высокий, стройный, худой и какой то змеевидный, гибкий, чрезвычайно подвижный. Волос темный, почти черный, удлинённый нос, небольшой скошенный подбородок, глубоко посаженные внимательные глаза. Одевался он модно, с шиком, изыском. Особенно ему понравились шейные платки, которые он научился повязывать затейливо и неповторимо. Речь имел манерную, говорил, слегка растягивая слова и придавая каждому слову и выражению особую значимость. Помимо всего прочего, как и сестра его, был ласков, трепетно нежен, заботлив, внимателен и чрезвычайно любезен. Если надо поднести, вынести, подать, написать, позвать, передать, сбегать, поддержать под локоть, смахнуть пыль, изумиться, удивиться, восхититься, а также выслушивать и поддакивать, то тут Эмилю не было равных. При сем делал он все искренне, без видимой фаль-

ши и лицемерного угодничества.

Он появился в доме Иноземцева вслед за Фаиной. Незримой тенью, мышью вскользнул незаметненько и притаился в уголке. Авось, и мне найдется, чем поживиться в этом теплом местечке. И впрямь, нашлось дело для быстрого, угодливого, любезного юноши. Всякий раз, когда Фаина оказывалась изгнанной с любовного ложа, надобно было ее вывозить из мастерской или из квартиры, а, по прошествии некоторого времени, снова посылать гонца, да мириться, да заселять любовницу вновь и вновь. Кто же возьмет на себя эдакие хлопоты? Надобен специальный человек, готовый к услугам и держащий рот на замке. Эмиль Эмильевич всегда готов был услужить благодетелю и сестрице.

Совершенно все изменилось в его пустой жизни, когда вдруг случайно открылся талант Юлии. Просиживая без дела в доме, маясь от скуки в комнатах дома или редакции, болтая без толку, он ненароком подсказал ей несколько блестящих мыслей и образов. Она подивилась, но сочла это обстоятельство таким же естественным, как и ее собственное рождение как писательницы. Незаметно Эмиль стал Юлии просто необходим. На первый взгляд они просто болтали, но каким-то невообразимым образом это способствовало ее творческому мышлению.

Соломон Евсеевич и Фаина на первых порах, недолго думая, порешили, что между молодыми людьми возникла любовная интрига. Но этого не оказалось и в помине. Юлия не

могла взять в толк осторожные намеки подруги. Хотя, быть может, по правде, в самом начале их знакомства Юлии показалось, что Эмиль питает надежды на роман с дочерью издателя. Она не была глупа и понимала, что для Перфильева все карты хороши в этом раскладе. Либо сестра выйдет замуж за Иноземцева, либо ему самому в жены достанется дочь благодетеля. И он всяко не внакладе. Но дело не пошло дальше нескольких вялых поцелуев, после которых у каждого остался легкий налет гадливости. Юлия не хотела чувственной любви, а Эмиль и не настаивал. Выйдет, прекрасно. Не получится – обойдем с другой стороны. Фаина не вмешивалась, боже упаси. Ей бы самой с собой разобраться в этой жизни. И, кроме того, она же знала своего братца: зачем милой Юлии эдакий несолидный муж! Хотя иногда в фантазиях она представляла себе забавную картину: себя замужем за Иноземцевым, и Юлию – за Эмилем. Правда, за ним, в отличие от своего возлюбленного, она не замечала никаких достоинств и талантов и полагала, что вершина жизненного успеха милого братца – это место конторщика, приказчика, переписчика бумаг, или, уж на худой конец, рассыльного. Она улучила минутку и замолвила за него словечко Иноземцеву. Тот снисходительно пожаловал ему местечко мальчика на посылках, которое и обросло потом особым содержанием.

По прошествии времени, став незаменимым товарищем для Юлии Соломоновны, Эмиль получил место редактора и сделался важной персоной в издательстве, правой рукой са-

мого хозяина.

Казалось бы, теперь самое время вернуться к несостоявшемуся роману, вдохнуть в него новые чувства. Ан нет, Юлия Соломоновна уже жила в ином мире. И страсти, написанные ее пером, были более реальными, нежели собственные, земные.

А что же бойкий Эмиль? Неужто он опустил руки и утратил надежду изменить свою жизнь? О нет, он оказался не так прост, как представляли его и сестра, и Иноземцев, и сама Юлия. Он твердо решил, что жизненный успех он добудет во что бы то ни стало и влезет на эту гору на Юлиной спине. Ловко и неочевидно он повел себя так, что стал ей жизненно необходим. Почти каждый день – он в ее доме, в ее кабинете. Смотрит и правит рукописи, делает пометки. Они гуляют, она размышляет вслух, рассказывает ему сюжет. Он добавляет – и все к месту, все кстати. Юлия только поражалась. И почему бы тогда ему самому не попробовать писать? Но удивительное дело, когда Эмиль, понукаемый подругой, уселся за письменный стол, он не смог выдавить из себя и одной страницы текста. Слова вязли, образы испарились, и все, что он весело и непринужденно дарил Юлии, для собственного использования оказалось непригодным. Воистину, неисповедимы тайны творчества!

Эмиль бросил неудавшуюся затею. Она еще раз убедила его, что его первоначальный замысел и есть то, за что надобно уцепиться мертвой хваткой. Не удалось жениться

на Юлии, что ж, эта холодная рыба все равно изжарится по моему рецепту. Она, писательница, не сможет жить без моего слова, моих мыслей, намеков, толчков. Я буду рядом и стану главным распорядителем ее сокровищ!

Странно, но Юлия порой сама не понимала, чем владела. И именно Эмилю удавалось вытащить на свет ее фантазии, мысли, образы и дать им волю. Соломон тотчас же углядел в молодом человеке странные способности. И Эмиль стал почти членом семьи. Юлия частенько писала в постели, до завтрака, и Эмиль без стеснения пребывал в ее спальне, при том ни он, ни она не видели в этом ничего неприличного. Потому что в тот момент, когда молодые люди обсуждали очередную часть рукописи, никто из них двоих не замечал спущенной на плечо бретели или оголившегося бедра.

Даже Фаина поначалу смущалась и пыталась урезонить молодых людей. Юлия недоуменно пожимала плечами:

– О чем ты, Фаина! Разве я могу вызывать у кого-нибудь страстные чувства! Посмотри на себя и на меня? Где подлинная красота, а где одно недоразумение, названное женским именем? – они находились в спальне Юлии. Полураздетые, разглядывали друг друга, и огромное зеркало любовалось ими обеими. Пышная красота Фаины, ее телеса, как на полотнах француза Ренуара, и хрупкое изящество почти детской фигурки Юлии. Корсет плотно облегал талию Фаины, высоко поднимая белую грудь, а Юлии не нужно было корсета и вовсе.

– Полно, зачем ты так себя уничижаешь! Ты несправедлива к себе. В тебе иная красота! – горячилась Фаина, поглаживая свои бока перед зеркалом. Она искренне не понимала, как можно себя считать таким несовершенным созданием.

– Я не питаю иллюзий, Фая! И не расстраиваюсь от этого. И ты более не терзай меня пустыми разговорами. Посмотри, даже твой брат и тот оказался столь умен, что согласился со мной!

– Как согласился? – ахнула Фаина и отшатнулась от зеркала, в котором созерцала свое божественное отражение. – Эмиль был столь жесток и груб, что позволил себе рассуждать о твоей внешности в эдаком уничижительном тоне?

– Что ж тут удивительного? – Юлия снова пожала худыми плечами в кружевной невесомой сорочке на тонюсеньких бретелях, но сделала это уже с большим раздражением. – Ты же знаешь, что мы с ним такие же близкие товарищи, как и с тобой. Особенность Эмиля в том, что он единственный может позволить сказать такое мне, ведь он видит меня по-иному. Он ценит во мне совершенно другое. Нет, не тараци на меня глаза, я не виню Эмиля. Я ему очень признательна за правду жизни. Если бы не он, я, быть может, питала бы глупые надежды и попусту тратила время на поиски любви. А так я знаю себе цену, я понимаю, что создана не для любовных поисков, не для семьи, а для иного!

И, словно подтверждая свои слова, девушка решительным жестом выдернула из гардероба блузу с высоким и глухим

воротом и поспешно затянула себя в нее.

– О нет, ты что-то несешь несусветное! – Фаина совсем расстроилась и продолжала бродить по комнате полуголая и неодетая. – Это все противоестественно для молодой женщины! Не хотеть любить, не хотеть замуж! Я поговорю с Соломоном.

– Пустое! – Юлия забралась на широкую постель и подвернула под себя ноги. Рядом уже разлеглись листки рукописи, которые она намеревалась править. – В нашей семье все ненормально, все вывернуто наизнанку, все вверх ногами. Я рада тому, что мне дал Господь, и не тревожь меня!

Оставалось только для яркости картины новую роль Эмиля Эмильевича осознать Раисе Федоровне. Даже ее циничный и гибкий ум оказался на первых порах не в состоянии переварить нового несъедобного кушанья для размышления. В очередной свой приезд она решила, что пора настала воспитывать неразумное дитя.

– Тебе надо выйти замуж! Твое писательство – временная блажь, это пройдет, как болезнь. Твой отец из эгоизма ставит интересы журнала, в котором он печатает твои романы, выше устройства твоей жизни, впрочем, это и неудивительно, – твердила она дочери.

– Я знаю, мама, тебе не нравится, что я пишу. А теперь ты и совсем не читаешь моих книг.

– Да, я нахожу их либо скучными, либо неприличными. Либо... не знаю, быть может, если бы они были бы написаны

не тобой, я бы читала их с большим удовольствием. А так, я совершенно не могу принять всего этого! – она кивнула в сторону разрозненных листов рукописи, лежащих по всей комнате. – Я не хочу тебя обидеть, но знаешь, мне странно, что о любви пишет молодая девушка, не знавшая этого чувства вовсе! Ведь у тебя, насколько я знаю, совершенно нет ни опыта, ни реальных впечатлений. Одни мечтания, фантазии. И что же? Из этого лепятся жизненные истории, от которых оторопь берет. Откуда ты это все выдумываешь, как может быть написано то, что совершенно не прочувствовано!

– Смешно, право! Послушай тебя, так, стало быть, господину Достоевскому вперед надо было самому старушку убить, или графу Толстому на рельсы лечь, чтобы получить реальный опыт! – съязвила дочь, задетая за живое.

– А ты, матушка, себя вон в каком ряду-то держишь! – искренно подивилась Раиса Федоровна и призадумалась. Может, она действительно не понимает и не ценит Юлиной писанины? Вот именно что писанины! Именно что писанины! Чепуха! – И мать тряхнула прической и продолжила с большим энтузиазмом:

– Твое положение в этом доме немислимо. Твоя связь с этим фигляром Перфильевым неприлична и двусмысленна! Если бы он был влюблен, метил в женихи, на худой конец, волочился за тобой, я бы могла понять. Хотя храни бог от таких женихов, как от чумы! Но такие отношения? Кто поверит, что между вами не было и тени романа, если он чуть

ли не из постели выскочил нынче утром, когда я зашла к тебе? Постой, – она сморщила лоб, – может быть, твой Эмиль предпочитает особ своего пола, а? Говорят, теперь это модно?

– Ах, мама! – Юлия даже не обиделась за своего товарища. – К чему ты пытаешься привести всех нас к приличному виду? Не кажется ли тебе, что это поздно и ты все возможное уже сделала? Или не сделала?

– Укусила! Змея! Укусила и рада! Да, я не идеальная мать. Увы! Но позволь мне хоть теперь что-то исправить и сделать для тебя? Нет, я вышвырну их обоих, этих Перфильевых, они как лианы оплели и тебя, и Соломона. За кого ты выйдешь замуж с такой репутацией? Приличные люди...

– Приличные люди, – Юлия перебила разгневанную речь матери, – с большим рвением желают получить автограф и с завидной регулярностью посылают дорогие букеты.

– И кто же это? – Раиса Федоровна тотчас же престала сердиться и посмотрела на Юлию с живым интересом.

Так кто же это? Юлия и сама бы хотела ответить на тот вопрос.

Глава шестая

Зима 1913 года

– Сударыня, не надо волноваться, – Сердюков чуть отодвинулся назад, чтобы худые локти посетительницы могли без помех расположиться на его столе. – Опомнитесь, подумайте, как можно мыслить такими категориями образованной и известной писательнице, властительнице дум!

Сердюков специально подпустил фимиаму в свою речь, чтобы вывести собеседницу на иную интонацию рассказа. Та вздрогнула и выпрямилась на стуле, сложив руки на коленях.

– Вы правы, я выгляжу неприлично. Впрочем, мне все равно. – Она потеряла высокий лоб с локоном. – Помогите мне, ради бога, помогите, я ощущаю приближение ужасных событий. Я чувствую, что это не конец, а только начало все-ленского ужаса в моей жизни!

Ее голос опять опасно задрожал.

– Хорошо, хорошо, – поспешил заверить писательницу Константин Митрофанович. – Разумеется, коли в моих силах, я постараюсь вам помочь. Но только если это враг, живущий в этом мире. В мире темных сил, но вполне реальных, зла, которого можно привлечь к закону, заключить в темницу, заковать в кандалы. Положим, вас шантажирует некий человек...

– Нет, это не шантаж, это нечто более ужасное. Представьте, это существо знало о моих сокровенных, невысказанных мыслях!

– Попробуйте все же рассказать мне как-нибудь более связно, по порядку, – мягко попросил следователь, стремясь подтолкнуть Юлию Соломоновну к внятному повествованию, чтобы побыстрее его и завершить, покончить с дамскими неврастеничными глупостями.

– Итак, когда вы в первый раз изволили встретить этого человека?

Его строгий и чрезвычайно серьезный вид немного успокоил молодую женщину.

– Вероятно, это было зимой. Да, пожалуй, в начале зимы, в конце ноября. Темно, ветер. Я домой пробиралась. Извозчика было никак не взять, как назло, точно провалились все. Платком лицо было замотано, так что я и не сразу сообразила, что рядом со мной кто-то остановился. Стоит человек, как и я, закутанный весь в черный плащ, лица не видно, вроде как очки блеснули в тусклом свете фонаря, под которым я оказалась. Или глаза? Я шарахнулась в сторону, потому что он близко вдруг ко мне оказался. Наклонился и тихим, каким-то глухим голосом произнес:

– Вы хотели меня видеть? Я перед вами!

– Я вас не знаю! Кто вы? Подите прочь! – испугалась я и стала озиаться в поисках городского.

– Городовой вам не поможет! – зловещим голосом про-

должал незнакомец. – Уже ничего поделывать нельзя, переменить, пришли в движение высшие силы зла!

– Чего вам надобно, что вы там бормочете о силах зла? – выкрикнула я, но почувствовала, как голос мой охрип от страха. На улице не было ни души, и только, боже мой, один маленький черный пудель вдруг оказался у ног моего страшного собеседника. Я совершенно обмерла. Вы же понимаете, о чем я говорю?

– Разумеется, Гете я читал, – сдержанно заметил Сердюков. – Фауст и Мефистофель. На это вы изволите намекать?

– Да, ассоциации слишком примитивны, но именно это пришло мне в голову тотчас же. – И дама продолжила свой рассказ.

– Вижу, вы начинаете понимать, – проговорил злодей вкрадчиво. – Прекрасно! Вы отдали мне свою душу, и я щедро отплачу вам за это!

– Я отдала вам душу? – я едва могла говорить от изумления и липкого страха.

– Разве не вы недавно пожелали, что бы все ваши дети, которые стали для вас обузой в творчестве, а также ваш супруг, пропали, провалились в тартарары? Разве вы не пожелали этого истово, страстно, в обмен на совершенную свободу одинокого художника, который творит, не обремененный никакими узами?

– Милостивый Боже! – прохрипела я. – Это не так, это был лишь миг слабости, убогого малодушия. Я не могла это-

го хотеть!

– Нет, моя милая! Нет, позвольте, это не шутки! Вы пожелали, и вот, одного уже нет. Скоро и прочие вас покинут навсегда. И вы снова будете свободны, свободны как никогда. И ваша душа, моя душа, будет открыта для великого творчества!

– Ты лжешь, мерзкая тварь! Прочь! Я не желаю тебя знать! Все ложь! Ложь! Навет!

Я замахнулась на него рукой, он отступил, и я чуть не упала с тротуара. Послышался его сдавленный жуткий смех.

– Верь мне, жди меня! – донеслись до меня его слова. И в эту минуту послышалось цоканье копыт, из-за угла показался извозчик. Я только на мгновение бросила на него взгляд, а когда посмотрела в сторону жуткого незнакомца, его уже и не было. Я без сил добралась до дому и поначалу хотела жаловаться мужу, а потом переменяла решение.

– Почему же? – тихо спросил Сердюков, уже сам пригнувшись к посетительнице. – Признайтесь себе, смалодушничали? Помыслили на мгновение, а пропадите вы все пропадом, из-за вас в голову ничего не идет, не написала ни строчки... или нечто вроде того?

Лицо Юлии стало зеленоватого цвета.

– Вы угадали удивительно точно.

– Это нетрудно. Вероятно, кто-то из вашего окружения сделал точно так же. Тут нет мистики. Вы говорили кому-нибудь о ваших трудностях, о ваших мыслях, творческих про-

блемах?

– Не так, как догадались вы, и знал этот черный человек. Я и сама себе боялась повторить свои злые мысли, а уж теперь и подавно. Мой сын Митя заболел, думали, обычная простуда, а оказался дифтерит. Да какая тяжелая болезнь! И откуда ей взяться? Ума не приложу, ведь он не ходил в тот дом?

– В который? – заинтересовался Сердюков.

– В дом моей дальней бедной родственницы. Я навещала ее недели две назад, или менее того. Ее ребенок болел дифтеритом, но, слава богу, пошел на поправку. Я не заходила в детскую, ребенок был тогда тяжелый, думали – не выправится. Оставила ей денег на лечение и быстро откланялась.

– Дифтерит – опасная болезнь. Вам бы не стоило туда ходить.

– Разумеется, я это знаю. И, как мне казалось, была осторожна. Я бы скорей сама заболела!

– Ничего не могу вам сказать на этот счет. Это по лекарской части. А что касается вашего злодея, так тут пока тоже трудно что-то предпринять. Я думаю, что это злая мистификация. У вас ведь много врагов, завистников, среди них ищите! Или, быть может, такое тоже, увы, случается, поклонники сумасшедшие попадают. Та^к могут выражать вам свой восторг.

– Вы изволите шутить! – она с достоинством поднялась.

– Помилуйте! Вовсе нет! Но я должен признать, что пока, по счастью, для меня тут дела нет!

– Что же должно произойти, чтобы мне поверили, спасли мою семью? Какая должна быть еще принесена жертва?

– Поверьте, я вам глубоко сочувствую, но не вижу тут повода для вмешательства полиции. Писатели очень впечатлительные люди. Их нервное устройство иное, нежели у обычных людей. Иначе они не были бы писателями. Представьте, у меня было дело. Один сочинитель пьес был уверен в том, что все, о чем он пишет, потом трагическим образом отражается на судьбах женщин, которых он любил. Написал о русалке – на тебе, жена утонула!

– А, я знаю. Я слышала этот миф о драматурге Нелидове. Да, несколько лет назад об этом говорил весь Петербург, – Юлия даже чуть усмехнулась. – Эти жуткие истории с его женами на долгое время придали ему популярности и тиражей! Прямо Синяя Борода!

– Вот видите! – следовательно вышел из-за стола, желая помочь посетительнице начать двигаться к двери. – Вы много придумали сами себе. Вы утомлены и подавлены потерей. Это пройдет. И вы сможете снова смотреть на мир, как и прежде.

Она вздохнула и стала натягивать перчатки. Ее лицо приняло почти спокойное выражение. Юлия хотела попрощаться, Сердюков взялся за ручку двери, как вдруг с другой стороны ее рванули на себя с необычайной силой. Ручка выскользнула из пальцев следователя, и в кабинет ворвалась мисс Томпсон. Ее лицо выражало отчаяние и ужас.

– Мадам, – прохрипела гувернантка, – мадам! Митья!
Митья умирать!

Сердюков только краем глаза успел заметить некое движение, а затем последовал звук падающего тела.

Глава седьмая

Зима 1913 года

В доме промышленника Крупенина все было пропитано надвигающимся неизбежным горем. Прислуга суежилась и металась по комнатам. Когда Сердюков, Юлия Соломонова и мисс Томпсон примчались, не чуя под собой ног, то застали хозяина дома в отчаянном положении и величайшем нервном возбуждении. Крупенин, высокий, статный и крепкий мужчина средних лет, с легкой сединой на висках, в домашнем костюме вышагивал огромными шагами по гостиной, переходя в столовую, оттуда в библиотеку, и на каждый звук из детской бросался туда бегом. При виде жены он впал в совершенное исступление:

– И где, где вы изволите быть, когда ваш ребенок погибает? Третьего дня на встрече с публикой, а теперь что? Что нынче?

– Савва Нилович, то есть моя вина, – выпорхнула вперед мисс Томпсон, – я увезла мадам, всего на полчаса, я дать знать горничной, где будем...

– Моя жена не нуждается в толкователях и переводчиках ее действий! – взревел Крупенин. – Ступайте, мисс Томпсон, возьмите Сусанну и приготовьте к прощанию с Митей.

Мисс Томпсон исчезла. Юлия глотала воздух широко рас-

крытым ртом, но муж не желал видеть того, что ей нехорошо. Он сам был в состоянии, близком к потере рассудка, поэтому не сразу заметил перед собой человека в офицерском полицейском мундире.

– Вы кто, что вам-то надобно?

Но не успел выслушать ответа. Из детской скорыми мелкими шагами вышел невысокий усталый доктор.

– Господа, Савва Нилович, Юлия Соломоновна, судари мои, готовьтесь. Я бессилён, конец близко.

Он поспешно отодвинулся, так как несчастные родители, не разбирая дороги, цепляясь краями одежд за мебель, бросились к дитя. Дверь оставалась открытой, и Сердюков узрел душераздирающие картины, которые не всякий может вынести и пережить. Отец прижал к себе ребенка и исступленно его целовал, мать рвала к себе бездыханное тело, оглашая дом диким воем.

– Батенька мой! Голубчик! – доктор с тяжким вздохом вернулся в детскую. – Не целуйте его, родимый. Ведь заразно-то как, себя еще, не дай бог, погубите! Не поможете же ему, оставьте!

– За что, Господи! За что забираешь детей моих! – возопил Крупенин, потрясая телом сына. И вдруг он остановился, глаза его стали бешеные, безумные.

– Ты желала этого! Ведьма! Сбылись твои потаенные желания! Но Суссану я тебе не отдам. И моей смерти не дождешься!

– Савва! – Жена упала на колени и воздела руки.

Сердюков отшатнулся от открытой двери. Если бы он увидел подобное в театре, то решил бы, что автору изменил вкус и чувство меры. Но что же было думать в реальной жизни!

Доктор вышел из детской и опустился в изнеможении на диван.

– Полицейский следователь Сердюков, – представился Константин Митрофанович.

Доктор вздрогнул всем телом.

– Вы думаете, он ее убьет? – потом опомнился, приподнялся, назвалсЯ и снова устало опустился на прежнее место.

– Вы меня извините, но я не понял, вы тут зачем? – спросил доктор. – Вы ведь, кажется, с госпожой Крупениной прибыли-с?

– Да, она просила меня разобраться с некоторыми неприятностями в ее доме, но как я вижу, эти, с позволения сказать, неприятности зашли слишком далеко.

– Да уж, – протянул доктор. – Только вы, сударь, чем можете тут помочь? Против дифтерита еще не изобретена сыворотка. Нет, сударь, ничем тут не поможешь, страшная болезнь. Косит и старых, и молодых.

– Вы меня просветите, пожалуйста, – попросил Сердюков. – Чтобы наверняка заразиться или принести заразу в дом, что необходимо?

Доктор от такой постановки вопроса чуть не подпрыгнул.

– Не удивляйтесь, я просто хочу понять, ежели госпожа

Крупенина навещала больного ребенка, но не виделась и даже не заходила в комнату больного, могла ли болезнь перенестись и в ее дом?

– Все возможно. Только самый что ни на есть опасный путь – одному ребенку взять в рот, в руки предметы, игрушки, лакомства больного! Вряд ли Юлия Соломоновна принесла из дома больного и дала своему дитяте что-нибудь неподобающее, она образованная и разумная женщина.

– И на старуху бывает проруха, – философски заметил следователь.

Что ж, по всему выходило, что ему придется заняться таинственным злодеем, который принес Крупениным столь жестокие несчастья и страдания.

Между тем семейная драма развивалась по своему сценарию. Тихо, почти бесшумно прошла мисс Томпсон с единственным оставшимся ребенком Крупениных, старшей девочкой Сусанной. Белокурая девочка испуганно шмыгала носом и робела. Они скрылись за дверью детской. Через некоторое время вбежала и выбежала горничная, призванная звонком, привела швейцара, и вместе они вынесли бесчувственное тело хозяйки дома. Сусанна бежала рядом, рыдала и цеплялась за мать. Крупенин оставался у тела сына, не в силах перенести новую чудовищную утрату. Доктор пошел в спальню Юлии Соломоновны привести ее в чувство. Сердюков неуверенно топтался в гостиной, не имея возможности задать ни одного мало-мальского вопроса и чувствуя

себя прескверно. Мог ли он предотвратить беду? Сразу поверить в страхи и предчувствия Юлии Соломоновны и тотчас же броситься в ее дом? Что бы тогда изменилось?

Опять-таки почти без звука появилась мисс Томпсон.

– Сударь? Могу я вам чем-то быть полезной? – Она выглядела подавленной, но вполне совладала с собой.

– Да, пожалуй, быть может... – полицейский потер переносицу длинным пальцем. – Вот что получается, ребенок заразился, тут нет ничего таинственного и необычайного. Мать навещала дом, где был такой больной. Скажите, могло ли все же получиться так, что предметы из дома больного оказались в вашем доме?

– Нет, это совершенно невозможно! Мадам очень, очень разумна и осторожна! Она не позволила мне идти с собой, так как я всегда с детьми. Нет, она не могла там ничего взять, да и к чему ей? Впрочем...

Мисс Томпсон нахмурилась, пытаясь что-то вспомнить или понять. Сердюков насторожился. В такие моменты он как гончая собака чувствовал возможность зацепки для следствия. Следствия? Эх, голубь ты мой, опять тебе досталось нечто несуразное! Но ведь еще можно отойти в сторону. Ничего не произошло. Дети погибли от естественных причин. Этот от дифтерита, младший сразу после родов. Но Сердюков не стал додумывать эту мысль, потому что мисс Томпсон встрепенулась и задумчиво произнесла:

– Есть странное обстоятельство, которое я не могу для

себя объяснить. Я говорила мадам, но она не поняла или не придавала этому значения. Игрушка, расписная, для звуков, как это... – она забыла слово и, сложив губы дудочкой, негромко свистнула.

– Свистулька? – осторожно подсказал полицейский.

– Верно, свистулька. Яркая, синяя, с узором. Митья ее разбил, она распалась на части, я точно видела это, горничная убирала. И вдруг потом я опять вижу эту свистульку у Мити. Он играл ею. Она была целая. Он свистел целый день! Я спросила мадам – купили новую? Она была занята, писала, сердилась, не поняла, замахала рукой. Не мешай с ерундой, Эмма!

– Эмма?

– Эмма – это я, – сдержанно пояснила мисс Томпсон. – Эмма Томпсон.

– А по батюшке вас как? Как на русский манер называть?

– Моего отца звали Джон, – гувернантка недоумевала. За все годы, которые она провела в холодной и дикой стране, ей первый раз задавали подобные вопросы.

– Вы не удивляйтесь, сударыня. Я не из праздного любопытства спрашиваю, – Сердюков чуть улыбнулся. – Просто я вижу у вас наблюдательность и ум. Я подозреваю, что вы еще сможете мне помочь, и мне бы хотелось обращаться к вам принятым у нас образом.

Гувернантка зарделась от смущения и удовольствия. Опять же никто еще не замечал в ней ничего, кроме усердия

в воспитании хозяйских отпрысков.

– Итак, стало быть, Эмма Ивановна, синяя свистулька! Можете ли вы мне ее принести? Пусть только доктор оботрет ее чем-нибудь от заразы!

Через полчаса, уже сидя в извозчике, следователь долго вертел в руках, затянутых в перчатки, обыкновенную детскую расписную свистульку. Рассмотрел ее и так и эдак, чуть было не поднес ко рту, да вовремя опомнился.

Глава восьмая

Зима 1913 года

Юлия Соломоновна пребывала в своей спальне. Хотя уже прошла неделя с похорон, она почти не спускала ног с постели. Рядом с нею, голова к голове, лежала Сусанна, которую так напугала смерть обоих братьев, что она не могла оставить мать ни на миг. Каждый день, точно по заведенному порядку, приходили навестить все близкие. Из Швейцарии срочной телеграммой вызвали Раису Федоровну. Соломон Евсеевич забегает по дороге в издательство, сидит, вздыхает, держит дочь за руку, гладит внучку по белокурой головке. Фаина приходит отдельно, долго нежно воркует, плачет, опять воркует. Неизменный Эмиль Эмильевич, с кулечком, букетиком, корзиночкой. И тоже что-то шепчет, гладит руку, голову и Юлии, и Сусанне, ахает, охает. И даже лежит рядом поверх одеяла, уткнув нос в плечо злосчастной Юлии.

Крупенин дождался, пока поток родни иссякнет, и тихо вошел к жене, вошел и сел на край постели. Она не повернулась, его злые слова медным колоколом бились в ее голове.

– Папочка! – пискнула Сусанна и вылезла из своего убежища. Савва Нилович подхватил ее на руки и прижал к себе. Мог ли он подумать, что из трех детей останется одна Сюська, как называла ее Юлия? Он всегда корил жену за то,

что она зовет дочь прозвищем, подобно собачьему. А ведь ребенку дали библейское имя!

– Юлия, ты не спрячешься от меня в одеялах, – сказал он твердым голосом. – Что толку-то?

Он слегка прикоснулся к ее спине. Она вздрогнула и нехотя повернулась. Они посмотрели друг на друга, и острая жалость и нежность одновременно пронзила их сердца. Еще миг, и он готов был и ее схватить в объятия, защитить от зла, темноты, которая поселилась в их сердцах, в их доме. Теперь, едва придя в себя, он не мог простить себе ужасных, нелепых обвинений, которые он бросил жене. Губы Юлии покривились, и она уткнулась в подушку.

– Может, приказать принести тебе чаю и плюшек с сахаром, а, душа моя? – Голос мужа звучал с тихой лаской.

– Нет, ничего не хочу. Есть не могу. Писать не могу!

– Ах ты, боже ты мой! – Крупенин отставил девочку и в сердцах хлопнул себя по коленям. Прежняя ярость с новой силой закипела в груди. – Писать она не может! Экое горе! Да о чем ты опять, о чем плачешь, разве можно теперь об этом?

– Ты не понимаешь меня! И никогда не понимал! К чему притворяться, Савва! – с тоской отозвалась жена.

– Нет уж! Это ты не понимаешь меня. Не понимаешь, что есть что-то подороже в жизни, чем вот эти все листочки! – он кивнул в сторону разрозненной рукописи. – Я-то, наивный, все думал, надеялся, что дети тебя образумят. Что ты

с годами станешь именно той женой, о которой я и мечтал, лелеял, так сказать, душу! Так нет же, поди ж ты, дети ей стали как кость в горле! Мешают творить, отвлекают, мучают заботами, и я еще под ногами!

– Савва! Остановись, не надо! Это неправда. Это от непонимания! От отчаяния ты так говоришь! Нам обоим очень плохо сейчас! Я никогда так не думала! Быть может, бросила слово от усталости, досады, что не идет роман, но разве ты мог и впрямь помыслить, что я хочу избавиться от вас? Вы – моя жизнь!

– Нет, это не так! – закричал муж. – Твоя жизнь – эти романы и их читатели. Вот твоя истинная жизнь, а мы – так, побоку!

– Ах, какое непонимание! Ну откуда у тебя вдруг такая черствость, такая жестокость? – Юлия исступленно обхватила себя руками.

– Жестокость? Черствость? – Крупенин аж задохнулся. – Да не я ли был самым большим болваном в столице, эдаким посмешищем. Терпел эту ненормальную жизнь во имя твоего спокойствия и творчества! – он развел руками. – Великого таинства творчества, ради которого принесены в жертву мир и покой в моей семье. Я терплю этого ненормального, этого гадкого, непристойного наглеца Эмиля только, опять же, для твоего спокойствия и снова великого творчества. И я – жесток?

– Оставь Эмиля! – Она села на кровати и посмотрела на

мужа зло. – Он единственный в этом мире, кто чувствует и понимает меня.

– Тогда почему ты за него не вышла замуж?

– Замуж! Мне и вовсе не надо было соглашаться! Я говорила тебе, я говорила! – закричала Юлия и опять упала в подушки.

– И то верно, – вдруг примирительным тоном заметил Крупенин. – Что же, жена, верно, настала пора нам разойтись в разные стороны. Мы с Сусанной в одну, а ты ступай с кем хочешь, хоть с Эмилем, хоть без него.

– О чем ты, Савва! – она ошеломленно уставилась на мужа. – Как ты можешь, теперь, когда столько случилось! И я не отдам тебе дочь!

– Ты безумна, Юлия. Ты живешь в нереальном мире и тянешь туда и нас.

– О нет, не отталкивай меня. Савва! Я же люблю тебя! Разве ты не видишь, что я люблю тебя всей душой!

Юлия застонала и хотела подползти к нему, чтобы обвить тонкими руками.

Прикрыла глаза, и в этот миг перед глазами появилось крохотное озерцо со стоячей, гладкой, как зеркало, водой. И в этом отражении виднелось, как одна за другой, будто капли крови, падают с дрожащей ветки две яркие ягоды, две из трех.

Сусанна бросилась к родителям с плачем, не понимая, о чем таком ужасном они говорят.

Савва Нилович погладил, похлопал жену по руке и встал. Дорого он бы дал за эти слова да лет семь бы назад!..

Зима 1906 года.

Пасхальный благотворительный концерт собрал много публики. Еще бы, где еще разом можно было увидеть так много интересных и известных людей, о которых говорит весь Петербург. Но Крупенину это было неинтересно. Он посещал благотворительные собрания исключительно по их прямому назначению – сделать взнос и содействовать очередному богоугодному мероприятию. Ему – предпринимателю – время было дорого. Не хотелось терять его попусту. Но, воспитанный матерью в глубокой вере, он всегда живо откликался на любые просьбы о помощи. Что нынче? Дети-сироты? Сбор в Воспитательный дом?

Пробираясь через гостей, раскланиваясь направо и налево, он остановился у буфета. Буфетчик, склонив напомаженную голову, осведомился о предпочтении гостя, налил хересу в рюмку и почтительно отодвинулся в сторону, дабы не мешать гостю обозревать публику. Крупенин, скучая, глядел по сторонам. И тут из толпы присутствующих вынырнула невысокая, хрупкая миловидная молодая женщина, чрезвычайно бойкая и живая. Видно, распорядительница, подумал Савва Нилович, у них всегда такой оживленный и уверенный вид. Она чуть улыбнулась очередному гостю. Крупенин отставил рюмку, представился и наклонился с желанием поцеловать ручку.

– Иноземцева, – с лукавой улыбкой произнесла дама.

Судя по тому, что она не сразу назвала себя полностью, Крупенин понял, что дама подразумевает, что он ее знает. Повисла небольшая пауза, здесь, вероятно, должны были последовать ахи, охи. Да как я счастлив! Да не может быть, сама Иноземцева! Собственной персоной! Но, увы! Крупенин почувствовал ее легкое недоумение.

– Юлия Соломоновна Иноземцева, – произнесла дама с легкой расстановкой.

– Рад познакомиться, – он все же поцеловал ручку в шелковой перчатке и подивился приятности голоса новой знакомой.

– Любите литературу? – она насмешливо сощурила глаза.

– Вовсе нет, времени, знаете ли, не хватает, а тут вот, сочувствую сиротам, – он сдержанно поклонился и шагнул назад. При чем тут литература?

Через некоторое время один из знакомых пояснил Савве Ниловичу, человеку, живущему практической жизнью и далекому от богемной суеты столицы, что его осчастливила сама Иноземцева, известная писательница популярных романов, которую организаторы собрания пригласили в распорядительницы, справедливо уповая на увеличение сборов.

Услышанное имя ничего не говорило Крупенину. Он книг без пользы дела не читал. Разумеется, как всякий образованный человек, в свое время он отдал дань необходимому гимназическому и университетскому чтению. Но теперь работа,

его дело, позволяли ему только чтение книг для практической надобности. Он никогда не задумывался, хорошо это или плохо. Но теперь оказалось, что вроде как не очень хорошо, потому как вышло неловко. Без плезуру! Он посмеялся сам над собою. Точно медведь из дикого леса! Да и поехал домой. Однако ни вечером того же дня, ни на следующий день маленькая хрупкая фигурка, насмешливые глаза и чарующий голос не выходили у него из головы. К чему бы это? Крупенину всегда нравились дамочки без затей, главное, чтобы все признаки женского естества были в наличии и побольше. Но пустых романов он не водил, не пачкался, хотел влюбиться в хорошую, добрую и ласковую женщину, иметь серьезные намерения, но как-то не складывалось. Достойные дамы и девицы вереницами проплывали перед его взором, но не трепыхалось сердце, хотя уж пора было остепениться и завести семью. Крупенин мечтал о большой и дружной семье, дородной и заботливой жене, куче детей и всеобщем благоденствии. Поэтому неотвязная мысль о незнакомке, оказавшейся модной писательницей, была ему неприятна, казалась тревожной, чужеродной, пугающей.

Тем не менее через пару дней он зашел в книжную лавку и купил один из ее романов. Не утерпев, открыл, еще сидя в извозчике. С недоумением закрыл через пару страниц. Дома сделал еще одну попытку к чтению, но и та осталась неудачной. Что за чепуха! С досадой он зашвырнул книгу куда попало и страшно удивился, когда через несколько дней, зайдя

ненароком в кухню, узрел там кухарку и горничную, которые рыдали над страницами заброшенной им книги.

Зима стояла сказочная, морозная, не отступала, не сдавала своих позиций теплу и весне. Крупенин ехал на извозчике по Невскому проспекту и разглядывал прохожих, нарядные витрины, афиши на тумбах, как вдруг знакомое имя заиграло перед глазами. Он приказал остановиться и сошел около афиши. Через час Савва Нилович сидел в зале, переполненном поклонниками творчества Юлии Соломоновны.

Он слушал ее, и ему казалось, что его затягивает омут, глубокая река. Нет, не литература вовсе, не ее талант, он не понимал этого понятия относительно Юлии с самого начала их знакомства. Нет, она сама, просто Юлия Соломоновна притягивала его как магнит, притом что совершенно не походила на женщину его мечты.

Он послал ей букет, роскошный, дорогой, без карточки, и купил билет на следующую встречу. Потом еще на одну, и еще. Он никогда не садился близко в первых рядах, не задавал вопросов и не посылал записок, но неизменно отмечал свое пребывание цветами.

Однажды, когда публика уже насытилась своим кумиром и стала расходиться, Иноземцева вдруг сама спустилась с эстрады, прошла по пустеющим рядам и встала напротив его:

– Так, стало быть, дети-сироты заставляют вас с завидной регулярностью посещать мои вечера, господин Крупенин?

Они оба засмеялись, и в этот раз он отвез ее домой.

С той поры прогулки, театры, выставки, и опять же встречи с читателями стали для Крупенина важной частью его жизни. Важной, потому что там царила Юлия. Его присутствие стало для нее постоянным. Спокойный, благодушный, щедрый, внимательный, он не навязывал своего общества, но как-то ловко все устроил так, что она постоянно нуждалась в нем. В его услугах, в его заботе, просто в том, чтобы опереться, выйдя из театра на морозную улицу, о его твердую уверенную руку. Крупенин был представлен Соломону Евсеевичу и скоро стал запросто вхож в дом. Правда, легкомысленные нравы дома Иноземцевых неприятно поразили Савву Ниловича. Не то чтобы он относил себя к пуританам, но все же его консервативные представления о семейных добродетелях претерпевали серьезные испытания. Разумеется, в число самых подозрительных посетителей дома был занесен Эмиль Эмильевич. Любовник или просто близкий товарищ? Насколько близкий?

Любовница отца – хозяйка в доме и близкая подруга Юлии. Престранные отношения!

Впрочем, какое вам до этого дело, почтенный Савва Нилович? Так как же! А если предложение делать, руки и сердца?

Глава девятая

Весна 1906 года

Зима все же убежала, вдруг разом, быстро, как чухонская шустрая лошадка. В Петербурге на Рождество и на Пасху появлялось много чухонцев-возниц с разукрашенными возками-вейками и крепкими лошадьми в лентах и колокольцах, которые катали жителей столицы.

За зимой, как и подобает, уже и весна. С ее ручьями, сосульками, капелью, лужами, в которых и утонуть недолго. И куда только смотрит городской голова! Вот первые листья, трава, уже пахнет в садах черемухой и корюшкой в рыбных лавках. В один из дней, оказавшийся удивительно теплым, Крупенин пригласил Юлию, Иноземцева и Перфильевых на загородную прогулку. Последних-то и не следовало бы, да некуда деваться. Катались на Островах и совершенно утомились от воздуха, птичьего пения и пьянящих запахов вновь родившейся природы. Было решено расположиться на пикник, иначе для чего же было взято столько корзин с провизией и вином? Фаина и Юлия хлопотали около корзин, Эмиль Эмильевич заботливо раскладывал пледы и подушки, Крупенин открывал бутылки. Соломон Евсеевич, в светлом чесучовом сюртуке и соломенной шляпе, присел в тень куста и любовался прелестной картиной. Ну, прям Моне какой-то!

Завтрак на траве! Его картины он видел в Париже.

– Я говорю, что наша милая компания, тут под деревьями, напоминает мне живописную картину, подобную кисти модного нынче в Европе господина Моне. Вы не находите, друзья мои?

– Ты запомнил, Соломон, – Юлия по-прежнему называла отца просто по имени, к чему Крупенин никак не мог привыкнуть и всякий раз вздрагивал от внутренней неприятности. – Ты забыл, вероятно, что дамы там совершенно нагие, притом что персонажи мужского пола одеты как подобает.

– Что же нам мешает последовать замечательному примеру талантливого мастера и создать свою, так сказать, живую картину, а? – он откинулся на траву, радуясь произведенному впечатлению от своих слов.

Фаина залиvisto засмеялась. Что ж, бывшей натурщице не привыкать демонстрировать свою красоту. Юлия передернула плечами и украдкой посмотрела на Крупенина. Он казался спокоен, только чуть взметнулись брови.

– Искусство – великая вещь по силе воздействия на человека, – произнес Савва Нилович. – Что живопись, что музыка, или то, что по вашей части, Юлия Соломоновна, слово – тоже может иметь огромное влияние на душу человеческую. Поэтому, я полагаю, что всякий художник должен иметь большую ответственность за свои мысли, за собственное творчество. Нарисовал нагих дам на прогулке. К чему,

спрошу я, какой в этом особый смысл? Вероятно, я выгляжу ретроградом, человеком мало смыслящим в искусстве, но считаю, что надо творить, так сказать, с оглядкой! Но картина хороша, хотя спорное вызывает впечатление... у людей не столь продвинутых в понимании живописи. – Крупенин принялся разливать вино по бокалам.

– Хорошо замечено, умно! – Иноземцев поднялся с травы и взялся за бокал. – Оттого, батенька, верите, ночами не сплю, всю думаю о том, что читатель мой получит в «Словах», как отзовется, как проникнется. Вот и Юлия моя, такая трепетная по части творчества! – он с наслаждением пригубил вина. Что ж, хоть и неразвит новый знакомый по части понимания тонких материй, зато в угощениях знает толк и щедр, ох как щедр к Юлии!

– Кажется, в коляске остались пирожные! Ах, я болван! – Крупенин вынужден был на миг прервать занимательную беседу и поспешил к экипажу (да, да, знаем, отчего ты не спишь по ночам, старый похотливый сатир!)

– Дозвольте мне! – подскочил Эмиль Эмильевич, привыкший быть на посылках.

Он сделал несколько больших прыжков вслед широко шагавшему Крупенину.

– Да, Юлия Соломоновна очень трепетно относится к своему творчеству, – желая продолжать интересный для него разговор, пропел Перфильев. – Ни о чем ином не думает, только о своих героях, иной раз презабавно мы с ней рассу-
ж-

даем, словно о живых людях, спорим, смеемся, сплетничаем! – захихикал Перфильев.

Крупенин молчал, но внутри его поднималась волна раздражения. Он вынужден был терпеть присутствие и болтовню этих несносных людей только ради Юлии.

– Вы ведь любите романы Юлии Соломоновны? – спросил Эмиль Эмильевич мягким голосом, нараспев, так, между прочим, как само собой разумеющееся обстоятельство, которое нужно просто уточнить для порядку. Не более того. И был совершенно сражен ответом.

– Нет, не люблю, не интересуюсь, некогда, знаете ли, книжки почитать. Делом занят, извините!

Крупенин вытащил из глубины экипажа забытую корзину и быстро двинулся в обратную сторону. Эмиль поскакал следом.

– Вот тебе раз! – завопил он издалека. – Вот я вам доложу презабавный факт! Ведь вы позволите, Савва Нилович, что я вслух скажу вашу тайну?

Крупенин только хмыкнул.

– Так вот, господа, в наших рядах изменщик коварный, лазутчик, вражеский агент! Савва Нилович только что сам признался мне, что совершенно его не интересует творчество нашей божественной, несравненной Юлии! И как это только такое может быть, господа?

– Полно, Эмиль, кричать, – одернула братца Фаина, – господин Крупенин пошутил, и не сердь его. А то в следующий

раз он тебя не пригласит на прогулку с богатой закуской.

– Затыкают рот правде! – ернически всхлипнул Эмиль и принялся за кусок ветчины.

Юлия с интересом уставилась на Савву Ниловича, но тот отмолчался, что означало правоту сказанных Эмилию слов. Забавно!

– Стало быть, вы книг мало читаете, Савва Нилович, – Соломон Евсеевич с удовольствием вонзил крепкие зубы в бутерброд, который заботливо преподнесла ему Фаина. – Ну а газеты, журналы? Вам, деловому человеку, без этого никак нельзя.

– Справедливо заметили, сударь. Разумеется, читаю. Только теперь от многих газет оторопь берет, чего только там не увидишь. Да что газеты, – вдруг раззадорился Крупинин. – Куда ни кинь взор – всякая чепуха, глупость, пошлость, безнравственность, похоть, аморальность. Нет глубины, основательности, и не только, доложу я вам, в вашем, газетном деле. Повсюду, куда ни погляди, воруют, ломают, учиться не хотят. Все тяп-ляп, поскорей урвать и наутек! Вы уж мне поверьте, я знаю, о чем говорю! Разное вижу, много людей знаю! Все устои сметены, границы разрушены. Все забыто, подвергается переосмыслению и осмеянию. То в театре нагишом танцевать вздумали, то в синематографе узришь такое, что и девицам из дома терпимости станет неловко. Люди в Бога верить перестали, страх потеряли! Бомбисты по улицам бегают, полиция бессильна! Да что же мы хотим в

стране, где кучка сумасшедших царя убила!

– О, да вы, батенька, я погляжу, совершеннейший консерватор! – заметил Иноземцев и принялся за второй бутерброд.

– Да-с, истинно так! – Крупенин тряхнул головой с аккуратной бородой. – И притом, заметьте, во всех вопросах.

– Разумеется, и в вопросах семейной морали тоже? – кинул наживку Иноземцев и стал ожидать ответа на коварный вопрос. Как выкрутится из неловкого положения этот самодовольный ретроград?

Эмиль Эмильевич даже зажмурился от предвкушения удовольствия. Как нужно тонко мыслить, чтобы ловко вывернуться из сложившегося положения. Вряд ли это получится у Крупенина. Он простой, честный и бесхитростный малый, но нет в нем гибкости ума и подвижности чувств.

– Соломон, оставь Савву Ниловича, – засмеялась Юлия. – Он поклонник «Домостроя», и наше семейство вызывает у него душевную боль, как крайне уродливое порождение современных растленных нравов. Но каждый ведь живет, как считает нужным, возможным для себя, так, Савва Нилович?

Крупенин бросил на молодую женщину благодарный взгляд за то, что она смогла перевести беседу чуть в иное русло, а то ведь пришлось бы и впрямь говорить как есть, что это не дом, а Содом и Гоморра! Вот только ты, милая Юлия, что тут делаешь, в этом логове разврата! Тебе не тут место! Прочь, прочь, в иные пенаты, туда, где будет царить подлинная, чистая и незапятнанная любовь!

– Вы разве не так думаете? – окликнула задумавшегося Крупенина девушка.

– Помимо себя и собственного представления о мироустройстве, есть ведь и общественные надобности и цели. Есть то, что для всех людей одинаково, или почти одинаково. Неизменные ценности и то, что недопустимо, осуждается всеми и во все времена. Подлость, измена, предательство, воровство, убийство. Разве не об этом толкует Библия? И разве человек может жить вне этих границ морали?

– Так-то оно так. Да только за время, истекшее после того, как эти, несомненно, правильные истины были высказаны, само понятие многих из них стало несколько иным. Ведь вы не будете спорить о том, что теперь порой трудно установить границы порока, подлости, приличия? – уже почти без насмешки продолжил Соломон Евсеевич.

Крупенин с его цельностью и прямолинейностью был ему интересен как отживающий тип, уходящая натура, которая все еще встречается на обочине цивилизованной жизни. Правда, будущее не за этими людьми, оно за теми, кто смотрит шире, мыслит гибче, раздвигает границы. Во всем! И себя Иноземцев причислял к последним.

Не без основания, заметит мой тонкий и ироничный читатель.

– Истина для нас сейчас в том, – заметил Савва Нилович, что через четверть часа нас застанет ливень! И зальет наши ученые головы холодным душем!

Тут вся компания подняла головы и убедилась в правоте последних слов. Огромная черная туча стремительно приближалась и грозилась разверзнуть хляби небесные. С криком, смехом и шумом похватали корзины, пледы, подушки, да и бросилась к экипажам.

Лошади бежали весело, но дождь все же застал гуляющих. Подняли верх экипажей и с наслаждением вдыхали чудный воздух, пропитанный влагой и всевозможными запахами. Юлия ехала с Крупениным, а Соломон – с Перфильевыми.

– Значит, как выяснилось, вы не любите моих романов? – и Юлия шутливо чуть хлестнула Крупенина травинкой по рукаву.

– Да, – он отворотился в сторону. Зачем она задала этот вопрос!

– Но почему?

– Потому что я люблю вас! – ответил он просто и буднично.

Юлия опустила голову и долго молчала.

– Вам не следовало бы этого мне говорить! – наконец произнесла она тихо и подавленно.

– Почему? – все тем же спокойным и будничным тоном спросил Крупенин.

– Потому что вы разрушили всю простоту и искренность. Теперь нам трудно будет дружить с вами.

– Я не хочу дружить с вами. – Савва Нилович по-преж-

нему старался выглядеть спокойным, сохранять самообладание, но это давалось ему с трудом. – Я не хочу дружить с вами. Я хочу жениться на вас. Любить вас как женщину, а не как писательницу!

– Нет, нет! – Она замахала руками и даже отодвинулась от него в угол экипажа. – Нет, это невозможно! Это совершенно невозможно!

Оставшийся путь был проделан в гробовом и неловком молчании. У дома Савва Нилович помог Юлии выйти и на несколько мгновений задержал ее руку в своей, но она только качнула головой. Он хотел сказать, но тут из-под земли вырос Эмиль Эмильевич. Перфильев только глянул и, как показалось Крупенину, тотчас же все понял. Ироничная усмешка утонула в глубине глаз Эмиля. Последовал обычный поток фраз, благодарностей и прочего, после чего он подхватил Юлию, и они скрылись в парадном.

Крупенин долго стоял молча, безжалостно мял лайковую белую перчатку и не сразу понял, что его давно поливает догнавшая их гроза.

Глава десятая

Лето 1906 года

Крупенин сам не догадывался, как дорога стала ему Юлия. Ее отказ уколол его сердце так, как если бы потом наступила смерть. Но ведь он и не рассчитывал получить ее согласие тотчас же, сразу. Он знал по рассказу иных, уже осчастливленных браком, что девицы часто жеманятся, капризничают. Но Юлия отказала ему просто, даже с каким-то дружеским чувством, что усугубило его страдание. Значит, иного, чувственного переживания относительно его персоны в ее сердце совершенно не имелось. Что ж, кто знает этих писательниц! Насочиняют в своих книжках бог весть что, и потом живут по этим придуманным образам! Нет, матушка! Пусть в твои придумки дурачок Эмиль играет! Не удался первый штурм, мы крепость осадой возьмем. Резервы подтянем, подкопы выроем, да и взорвем вашу оборону!

Однако такой ли уж он дурачок, этот Эмиль Эмильевич? Станет Юлия терпеть около себя глупца и простофилю, мальчика на побегушках. Нет, не то, не то. Неужто все же любовник? Или, быть может, бывший, в отставке. Ведь как бывает: был любовник, до мужа не дорос, да надоел, и в «табели о рангах» стал просто другом дома, товарищем, так сказать, на литературном поприще. Как же узнать? Фай-

на о братце откровенничать не станет, неужто в доме шпионить, выпытывать у прислуги?

От этой низкой мысли Крупенина аж покорило. Не привык он ходить кругами да плести интриги. Если в бой, то с открытым забралом! Только знать бы противника! Кому кидать перчатку?

Неудачное сватовство не повлияло на визиты Саввы Ниловича к Иноземцевым. Он ничего более не говорил Юлии, и она с явным облегчением успокоилась. В ее жизни уже попадались подобные отчаянные головы, но, получив отказ, безропотно примирялись и скоро исчезали навсегда. Юлия не лгала ни себе, ни Крупенину, ни другим несостоявшимся женихам в том, что совершенно не пригодна к семейной жизни. Она не мечтала об этом и совершенно к тому не стремилась. Ее голова была полна сюжетов, образов, она ими бредила, их любила, лелеяла и полагала, что, как честный художник, не может делить свою любовь еще с кем-либо. Ее страсть – это строчки, которые ложатся на бумагу. Им она не может изменить. И это ее предназначение, судьба. Она не может изменить ничего. Иначе, как Юлия подозревала, ее дар погибнет, исчезнет, испарится. Она не имеет права разменивать свои душевные силы ни на что, кроме творчества. Когда она в первый раз, получив предложение руки и сердца, заявила это воздыхателю, тот решил, что это шутка, милая интеллектуальная шутка неглупой барышни. Следующий уже оказался не столь благодушным и вынес приговор, что у модной

писательницы, вероятно, ум зашел за разум, или ее обуревают сатанинское честолюбие. Словом, постепенно претенденты испарились и вовсе. Но это прискорбное для девицы на выданье обстоятельство не расстраивало Юлию. Так и должно случиться, она некрасива, живет своим миром, в котором нет места ни мужу, ни детям, зачем морочить кому-то голову? Это нечестно. Никто ее не понял, один верный друг Эмиль оказался на высоте.

– Подумать только! – вскрикивал он, выслушав очередные ее сентенции. – Вы удивительная женщина! Никто, никто не может сравниться с вами! Так тонко угадать себя, свою судьбу! Это поразительно! – Он взмахивал руками, заламывал их и закатывал глаза от восторга, который душил его, – принести себя на алтарь литературы! Посвятить себя перу и слову, вместо банального стремления к пошлым семейным веригам! К тому же зачем унижать себя, стремиться попасть в обыденный ряд перезрелых невест, безуспешно пытающихся заполучить жениха! Нет, вы выше всего этого земного, скучного, низкого. Вы царица мыслей, ваш удел – парить над толпой ваших почитателей!

Его искренняя и пылкая поддержка окончательно укрепила ее в избранном пути. Правда, однажды Юлия все же коварно спросила верного «братца»:

– А что, Эмильчик, коли мы с тобой мыслим и чувствуем очень схоже, так, быть может, мне за тебя пойти замуж?

Тот побледнел, но быстро справился с охватившим его

волнением.

– Паж не может претендовать на место супруга королевы! – Перфильев пытался отшутиться.

– Я тебе не нравлюсь? – Юлия посмотрела на себя в зеркало и усмехнулась.

– Ты же знаешь, я ценю в тебе прежде всего твой талант литератора. Прочее, извини, можно получить в ином месте и более притягательное.

– Как грубо, как неделикатно, Эмиль!

– В моих словах совершенно нет грубости. Хотя, быть может, с точки зрения салонной вежливости, я груб. Но это не грубость, это правда, которую могут позволить себе только очень близкие и понимающие люди, живущие в ином мире человеческих отношений, редком и не каждому доступном. Нам он открыт, и он только наш с тобой, Юлия. Там ты, я и твоё творчество! Это гораздо ценнее, чем банальная и пошлая так называемая любовь, в том виде, как понимают её все вокруг. Нет, Юлия, это великая тайна, которая есть у нас. И я ни за что не променяю её на брачный венец, доступный даже кухарке.

Питаемая подобными речами, получив предложения Крупенина о брачном венце, Юлия написала ему письмо, где попыталась объяснить свои мысли, и изложила все так тонко, так деликатно, чтобы никоим образом не обидеть хорошего человека, которого угораздило влюбиться в такую странную женщину.

В ответ он прислал ей очередной роскошный букет и только-то.

Эмиль Эмильевич ужасно спешил по поручению Иноземцева. С портфелем под мышкой, он торопливо перебегал с одной стороны улицы на другую, когда его окликнул знакомый голос.

– Перфильев! Господин Перфильев! Куда путь держите? – Крупенин высовывался из экипажа.

Лошадь умерила ход, и экипаж поравнялся с пешеходом.

– Вот-с, извольте видеть, спешу из редакции, везу бумаги домой, работать сяду. Там, знаете ли, народу тьма, шумно, толчея. Мысли не идут. А дома, в тишине, как-то лучше работается.

– Садитесь, подвезу вас, – любезно предложил Крупенин. Перфильев радостно согласился.

– Вот и Юлия Соломоновна ведь нигде, кроме дома, не работает, – продолжал он, удобно расположившись в экипаже с портфелем на коленях. – Не может, говорит, рука в воздухе замирает, если не в своей, привычной обстановке. Вот к вечеру к ней поеду. Даст на редактуру написанное за день. И так до ночи, представьте, сударь, а то и до утра корплю!

– Да, всякое дело непростое, если делать его с умом да честно, – заметил Савва Нилович.

Разговаривая о том о сем, прибыли к дому Перфильева.

– Стало быть, вы тут проживаете? – Савва Нилович окинул взглядом огромный доходный дом, в котором квартиро-

вал Эмиль Эмильевич, и тоже вышел из экипажа.

– Желаете навестить меня? – изумился Перфильев. – Впрочем, что это я! – он точно опомнился. – Я рад, милости прошу, только у меня скромно, без претензий.

Швейцар с поклоном открыл дверь господам. Пока поднимались на третий этаж, Эмиль лихорадочно думал, что понадобилось от него Крупенину?

Квартира Перфильева оказалась маленькой, но обставленной со вкусом и изяществом. Впрочем, Крупенин и не ожидал иного, глядя на самого Перфильева, точно сошедшего с картинки из журнала парижской моды. Он прошелся по комнатам, по-хозяйски, без затей, заглянул в спальню, точно желая удостовериться в чем-то. Эмиль скакал следом, точно огромный кузнечик, наполняясь все большим беспокойством.

– Савва Нилович! Не желаете ли рюмочку? – Эмиль сделал очередной круг около Крупенина и усадил его, наконец, в кресло в гостиной.

– Пожалуй, – снизошел до угощения Крупенин. – У вас очень мило! – Он продолжал крутить головой. – Не хватает только очаровательной спутницы жизни.

Эмиль Эмильевич напряженно замер в ожидании продолжения.

– Вот что, господин Перфильев, я не буду ходить вокруг да около, это не в моем характере. Я намерен жениться на госпоже Иноземцевой. – Крупенин устроился в кресле и за-

кинул ногу за ногу.

– Так вот что! – легонько воскликнул Перфильев. – Но позвольте, зачем визит ко мне? Вероятно, вы пойдете к Соломону Евсеевичу просить руки дочери?

– Нет, не пойду, – последовал резкий ответ. – Юлия отказала мне, пока отказала.

– А... – Эмиль грустно склонил голову.

– Что означает это ваше похоронное «А»? – начал раздражаться Крупенин.

– Не извольте сердиться, сударь. Только вы ведь не единственный, кто оказался в подобной ситуации. Были и до вас претенденты, и все с тем же результатом. Видите ли, у нее особое представление о своей жизненной миссии. Особое предназначение, которому она неуклонно следует... – попытался пуститься в пространные объяснения Эмиль Эмильевич.

– Да, я знаю, Юлия объяснила мне все очень трогательно и подробно, – перебил его Савва Нилович. – Все это глупо, неестественно для молодой женщины. И я не намерен из-за эдакой чепухи отказываться от своего счастья.

– Сударь, – тихо произнес Перфильев, – может, я ошибаюсь, но мне кажется, мы обязаны с уважением относиться к выбору человека, которого мы любим.

– Так и вы любите? – Крупенин вскочил, рюмка упала и покатилась по полу.

– Вы неправильно меня поняли. – Эмиль стал говорить

еще тише. Его, казалось, совершенно не испугала вспышка ярости непрошеного гостя. – Мы с вами не соперники. Я не люблю Юлию в том смысле, как вы полагаете. Вероятно, как я теперь догадываюсь, вы пришли узнать именно это? Быть может, вы бы хотели и напрямую спросить, уж не являюсь ли я ее любовником?

Они посмотрели друг на друга. Крупенин даже слегка растерялся. Эмиль угадал!

– Мне забавно ваше замешательство, – Перфильев рассмехался тихим звенящим смехом, – но я не буду вас мучить. У госпожи Иноземцевой никогда не было любовников! Она обручена с мистическим откровением! Ни я, ни вы, никто иной ей не жених! Она навеки в том мире, который сама и сочиняет. И оставьте ее там, ищите себе другую, обычную женщину. Пусть творит, не сбивайте ее в пути. Ведь стоит ее толкнуть, она упадет в яму обыденности и тогда все, катастрофа! Исчезнет очарованье, исчезнет творчество, все погибнет! Останется просто чья-то жена и мать, коих миллионы!

– Вы полоумный! Что вы несете? С чего вы решили, что правомочны распоряжаться судьбой Юлии? Теперь я понимаю, что это вы поддерживаете в ее сознании эти бредовые мысли. С чего бы это? Вам не досталась, так не доставайся же никому?

И Крупенин, забыв, что он гость в этом доме, схватил Перфильева за лацканы сюртука.

– Не буду притворяться, действительно подумывал о сватовстве к Юлии Соломоновне. – Эмиль Эмильевич с усилием отдирает от себя руки Крупенина. – Но, слава богу, вовремя понял, что это – небожительница. И вам того же понимания желаю. Впрочем, вам самому придется это постичь. У вас, как я вижу, нет выбора.

– У меня есть выбор, – Крупенин потрянул Эмиля так, что затрещала одежда. – Дать тебе хорошенько, разукрасить смазливую физиономию или нет?

– Это уж как вам угодно, – вздохнул Перфильев, зажатый мощной рукой.

– И все же ты врешь, – прошипел Савва Нилович, – врешь, что не любишь Юлию. – Он отпустил свою жертву.

– Отчего же? – изумился Эмиль, наскоро расстегивая ворот, чтобы отдышаться. – Я этого вовсе не говорил, причем, вы и не спрашивали именно так! Я люблю Юлию Соломонову, но это особый вид любви...

От этих слов Крупенин опять взревел и хотел снова схватить Перфильева.

– Сударь, вы не поняли меня! Ради бога! – он отскочил от опасного гостя в иной конец комнаты. – Я вовсе не об всяких там извращениях говорю, как вы изволили заподозрить. Я говорю о высоких отношениях, которые могут быть вовсе далеко от телесной любви. Любовь – дружба, уважение, разумная любовь от принятия духовного мира иного человека. Агапэ, как называли ее греки. Любовь – жертва!

– О нет, это невозможно. Вы все сумасшедшие, и я не желаю более этого выносить, – вскипел Крупенин. – Я не поверю, что можно любить женщину и не желать получить ее в свои объятия. Вы ненормальный, Перфильев. И я не позволю, чтобы вы морочили голову Юлии. Любите? Так женитесь! А прочее – чушь собачья! Или будем честны и поборемся за ее любовь. Открыто, по-рыцарски, или – прочь! Я просто поколочу вас палкой, как шелудивую собаку!

И он решительно двинулся к выходу.

– Ужасно жалко, что такой яркий человек, как вы, подвержен старым предрассудкам! Бедная Юлия! – И Эмиль Эмильевич налил себе рюмочку до краев.

Он выпил со вкусом, дверь за Крупениным захлопнулась с грохотом.

Глава одиннадцатая

Лето 1906 года

В помещении редакции «Словеса» на Литейном стоял гул. Стучали машинки, бегали курьеры, кричали редакторы. Жизнь была ключом через край. Чтобы хоть как-то отгородиться от привычного шума, Соломон Евсеевич приказал поставить толстую дверь, за которой он укрывался от незадачливых авторов, требовавших напечатать рукопись или выплатить гонорар, от кредиторов, от полиции, если напечатали, не дай бог, чего лишнее, от собратьев по перу. Огромный кабинет, точно бездонный шкаф, скрывал в себе множество тайн редакционной жизни. Тут слава начинающего литератора могла или начаться, или навеки оказаться похороненной под грудами нечитанных рукописей и прочих бумаг. Глубокое покойное кресло, точно облако, охватывало собою хозяина кабинета и погружало его в думы о судьбах литературы. На бескрайнем буковом столе громоздились монбланы из рукописей и деловых бумаг. Шкафы, полные книжных сокровищ, упирались в потолок.

Соломон Евсеевич, вальяжный и красивый, располагался в своем кабинете как истинно библейский патриарх. Посетители робели и терялись при виде могучей фигуры в эдаком антураже. Но на Савву Ниловича сия картина не произвела

должного впечатления, вероятно, из-за отсутствия, как говорил Эмиль Эмильевич, подвижности чувств. Господа уже с полчаса вели неспешную беседу в кабинете, попивая чай из высоких тонких стаканов в серебряных подстаканниках.

– Не скрою, сударь, что я знаю о вашем предложении моей дочери и его не очень благоприятном для вас результате, – Иноземцев старался выразиться как можно мягче, дабы ничем не покоробить ни слуха, ни чувств гостя. – Но осмелюсь заметить, что ежели бы вы хоть чуть-чуть намекнули о ваших намерениях, я бы предупредил вас о странностях моей дочери. Хотя, я полагаю, это бы вряд ли вас остановило, не так ли?

– Разумеется, может быть, я был не прав и нарушил приличия. Не попросил, как полагается, руки Юлии Соломоновны у родителя. Но, Соломон Евсеевич, вы и сами знаете, что ваша дочь самостоятельна и независима. Ее мнение и будет ответом, независимо от родительского благословения. Было бы оно положительным, и вы бы согласились. Она ответила отказом, и вы не желаете вести этот разговор дальше.

– Отчего же? Я прожил долгую жизнь, я хорошо знаю женскую природу и натуру Юлии. Да, она подвержена всяким несуразным на первый взгляд идеям. Но они происходят от ее творческой натуры и напрямую зависят от ее писательской деятельности. И я, как издатель, должен это обстоятельство учитывать.

– Коммерческий успех ее романов, прибыли вашего изда-

тельства, с одной стороны, и устройство счастливой семейной жизни дочери – с другой! Рискованно! – заметил Савва Нилович.

Наступила пауза. Собеседники похлебывали чай.

Иноземцев ждал. Он очень обрадовался, когда увидел на пороге своего кабинета Крупенина. То, что Юлия отказала ему с первого раза, не имело никакого значения. Имело значение его состояние, его трепетная и страстная любовь к Юлии и ответ на вопрос, насколько далеко готова распространиться его щедрость во имя любви. В последнее время дела издательства шли не очень бойко. Раиса Федоровна из года в год все уменьшала размеры вспомоществования, и надо было искать новые источники для процветания. Может, из Крупенина выйдет новая «Раиса Федоровна»?

– «Словеса» – хороший, полезный журнал. Он не должен исчезнуть, утонуть в омуте пошлости и бездарности. Я понимаю ваше беспокойство и готов посодействовать, – Крупенин написал на листке бумаги цифру и пододвинул листок Иноземцеву.

– Я знал, что вы образованный человек и судьба литературы и народного просвещения не оставляет вас равнодушным, – страстно проговорил Соломон Евсеевич, с удовольствием поглаживая листок.

– Я также готов содействовать выходу нового романа Юлии Соломоновны, в роскошном переплете, с красочными иллюстрациями, словом, что сочтете нужным, без огра-

ничения. Читатель должен получить истинное наслаждение от последнего шедевра! Счета пошлете мне.

– Какое великодушие! Какой щедрый подарок Юлии! Нет, батенька, вы не обманете нас! Вы ведь почитываете ее, и вам нравится! – Иноземцев игриво погрозил собеседнику пальцем. – Теперь она пишет новый роман, называется «Зингибер и Глицирриза». Я печатаю его главами у себя в журнале. Читатели рвут на части журнал! Требуют поскорее, чтобы вышла книжка целиком! Это воистину шедевр, полагаю, лучшая ее вещь. Цельная, яркая, полная красок, страсти. А язык, какой метафоричный, образный язык, точно песня. Музыка! – захлебывался восторгом Иноземцев. – Вы читали, надеюсь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.